

12+

*Посвящается 75-летию
Великой Победы*

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Сборник стихов и воспоминаний поэтов
Ишимского района

Новокузнецк
«Союз писателей»
2020

УДК 82-822
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж66

Ж66 **Живая память:** Сборник стихов и воспоминаний поэтов Ишимского района / ред.-сост. Л. Г. Долгих. — Новокузнецк: Союз писателей, 2020. — 196 с.
ISBN 978-5-00143-298-2

*Книга издана при финансовой поддержке
администрации Ишимского муниципального района*

*Руководитель проекта — М. П. Тихонова, руководитель
районного поэтического клуба «Ишимские родники»*

*Редактор-составитель — Л. Г. Долгих, председатель
районного поэтического клуба «Ишимские родники»*

Сборник «Живая память» адресован прежде всего молодым. Авторы стремятся донести до читателей правду о Великой Отечественной войне, о том, какой ценой нашему народу досталась Победа. В стихах и прозе поэты районного клуба «Ишимские родники» повествуют о далёких неизгладимых событиях одного из самых страшных лихолетий человечества. Воспоминания ветеранов и детей войны о Великой Отечественной скупы, но именно из них и складывается летопись, которая навсегда утверждает святость подвига во имя будущих поколений и жизни на земле.

УДК 82-822
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00143-298-2

© Коллектив авторов, текст, 2020
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2020
© ИП Суховейко Д. А., издание, 2020

*ЭТА ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ...
ЭТА СКОРБЬ, ЧТО ИСХОДИТ ОТ БРАТСКИХ
МОГИЛ.
СМОТРЯТ ПРАВНУКИ ВАШИ
СЧАСТЛИВЫЕ СНЫ,
НО НИКТО НЕ ЗАБЫТ
И НИКТО НЕ ЗАБЫЛ...*

Ф. ФЁДОРОВ

Страницы памяти священной

Наша книга «Живая память» адресована молодому поколению, чтобы помнили и чтители тех, кто ценой своей жизни выстоял, защищая Родину. Поэты районного клуба «Ишимские родники» в стихах и в прозе рассказывают о том, что пришлось испытать нашему народу в годы Великой Отечественной войны.

Стихи и воспоминания подкупают искренностью, глубиной чувств, а некоторые — своей документальностью. Например, в стихотворении «В память о 229-й стрелковой дивизии» Ф. У. Фёдоров поведал нам о трагической гибели почти всей дивизии. Из 11 тысяч выжило около 700 человек. А дивизия эта формировалась в Синицынском бору и состояла в основном из новобранцев, которым было по 18—20 лет. Бойцы были брошены в излучину Дона и должны были сдерживать наступление фашистской армии на Сталинград. Солдаты продержались 17 дней, но задачу свою выполнили. Это и есть настоящий подвиг во имя жизни, во имя спасения Родины.

*Не знамениты, не великие,
Не удостоились наград.
Все полегли под Суровикино,
Собой спасая Сталинград.*

Нам посчастливилось слушать стихи и воспоминания С. И. Баянова, ветерана Великой Отечественной войны, члена нашего клуба. Стихи его интересны тем, что он сам испытал и пережил все ужасы войны, ведь он «из сотни один с 23 года с фронта вышел живым», — так он пишет о себе в стихотворении «Один процент». Но радость жизни омрачается горечью утрат. На войне погибли его два брата.

*...Мне горько, Леночка, пойми:
Мои мечты осуществились...
Ах, если б не было войны,
У Петьки дети бы родились.
У Пашки, Миньки и у всех
Погибших дети бы родились.*

Не родились дети ни у Петьки, ни у Миньки, ни у других, кто был убит, зато сколько осталось сирот. Они ждали своих отцов. Вот и маленькая Фая с братом всё лето бегали за деревню встречать отца, но так и не дождались его. Страшная правда о жизни детей и взрослых звучит из уст А. М. Рыловой, у которой отец погиб, а в семье осталось четверо детей. Есть было нечего, и жить было негде, купили землянку, в которой ни пола, ни потолка. Босых ребятишек мать на руках носила в школу. Слезы душишат, когда читаешь эти строки.

Ф. А. Горчакова, которая сама пережила все ужасы военного времени, так пишет о детях войны:

*Дети войны! Сколько вы пережили!
Голод и холод друзьями вам были.
Рано пришлось повзрослеть вам тогда,
Детство у вас отобрала война.*

Но больше всего досталось многострадальным женщинам. Не зря слова А. Т. Твардовского стали крылатыми: «Да разве об этом расскажешь, в какие ты годы жила, какая несметная тяжесть на женские плечи легла». А сколько похоронок пришлось получить матерям и жёнам, сколько выплакано слёз! Голод, холод, изнурительная работа, дети, пухнувшие от голода, но женщина-мать стойко вынесла все тяготы войны.

*Вам бы руки целовать
Да поэмы посвящать!
Но в сырой земле поэты,
Песни милым недопеты.*

Воспоминания ветеранов войны скупы, живые герои неохотно рассказывали о боях, да и героями они себя не считали. Единственный, кто сумел проследить боевой путь своего отца, — это Ф. У. Фё-

доров. Личное дело, случайно найденное, подробно и досконально изучено им, каждому событию дана оценка, своё видение, за скупыми цифрами и фактами биографии вырисовывается незаурядная личность человека, чья жизнь была подчинена служению Родине. Почему же сейчас, спустя 75 лет, началось переписывание истории Великой Отечественной войны, искажение её? Что это?! Беспамятство или целенаправленная пропаганда? Думаю, что последнее. Знают, что не все ещё зарубцевались раны, и бьют нас по самому больному. А у нас в каждой семье кто-то погиб или пришёл с фронта изувеченным. Дорогой ценой нам досталась Победа, и мы не позволим глумиться над тем, что для нас является святым.

О нашей памяти, которую хотят стереть, пишет Н. Е. Денисова:

*Успокоиться вроде
Наша память должна...
Но полезла отродья
Гитлерюгенд волна,*

*«Майн кампф» оживает
В головах чумовых,
Из щелей выползает
Вновь паук-крестовик.*

*Так вставай, русский парень,
У священных могил,
Чтоб сапог иностранный
Память не осквернил!*

Надеемся, что наши стихи и воспоминания о Великой Отечественной войне затронут ваши сердца. Это действительно живая память о людях, чей подвиг никогда не будет забыт.

*Председатель клуба «Ишимские родники»
Л. Г. Долгих*

О войне щемящею строкой

Памятник

В чистом поле у кургана тишина.
Подошла к нему старушка, замерла.
Неизвестно, где сынок её лежит,
Не приедет к ней, её не навестит.

Вот к кургану тихо женщина идёт
И с собою она яблоньку несёт:
«Посажу её я в память о бойцах,
Что погибли, защищая нас в боях».

Сюда девушка-молoduшка пришла,
Она ёлку небольшую принесла:
«Мой отец — танкист, он под Москвой погиб,
Посажу, и память пусть она хранит».

Вот к кургану паренёк один идёт
И рябинку небольшую он несёт:
«Пусть она напомнит о дружке моём.
Он связист. Геройски пал в бою с врагом».

Кто цветы, кто деревце несёт,
Этим честь свою погибшим отдаёт.
С той поры деревья дружно здесь растут,
Прилетают птицы к ним и гнёзда выют,

Распевают свои песни по утрам,
Словно память воздают они бойцам.
Далеко в степи стоит курган один,
Словно некий величавый господин.

Кто проедет мимо, кто сюда придёт,
Непреренно свой поклон к нему несёт.

Разные вёсны

Внучке Лене

Когда тебе семнадцать лет,
А мне уж семь десятков,
У вас проблем серьёзных нет.
Я не могу плясать вприсядку.
 Твои родные и друзья
 Тебя сердечно поздравляют.
 Они все так же, как и я,
 Здоровья, радости желают.
Не знаю, как кому, а мне
Ты всех милее и дороже,
И мой апрель в моей весне
Был дважды вот таким погожим.
 Такая тёплая весна
 Была, я помню, в сорок первом.
 В деревне было не до сна,
 На поле рано шли, на фермы.
В стране тогда был мирный труд,
И было нам тогда семнадцать.
Вернуться? В планы заглянуть?
Хотели жизнью наслаждаться!

С Петром мечтали мы о том,
Чтоб только в двадцать пять жениться,
Построить добрый тёплый дом,
И по специальности трудиться.
Друг к другу в гости приходить,
Успехам радоваться в жизни
Да ребятишек народить —
Сынов побольше для Отчизны.
 А Запад бредил уж войной,
 И разгорались в мире споры.
 Сгущались тучи над страной,
 И вдруг нагрнуло к нам горе...
Два года Пётр воевал.
Старлей комроты пулемётной.
Сражён был трижды наповал...
Ремонт — и снова в полк пехотный.
 Он ранен был в четвёртый раз.
 Смертельной оказалась рана.
 О нём я плачу и сейчас...
 И над письмом, и у экрана.
В посёлке Глажево лежит
Наш Пётр в восьмой могиле братской.
Там Волхов в Ладогу бежит,
Там, братцы, фронт был Ленинградский.

Лишь в книгу «Память», в томе пять,
Их имена друзья вписали.
Всем надо помнить и понять,
Как МЫ на фронте воевали.

Горячим был апрель и май
Весной в суровом сорок пятом.
Страна, победу принимай!
Конец войне. Домой, солдаты!
...Мне горько, Леночка, пойми:
Мои мечты осуществились...
Ах, если б не было войны,
У Петьки дети бы родились!
У Пашки, Миньки и у всех
Погибших дети бы родились.

*77-й стрелковый полк 80-й стрелковой дивизии.
Полевая почта 77661.
Убит 22 июня 1943 года в 20 лет,
с. Глажево, Кировского района.
(Сообщил А. Ткаченко).
Родной брат Петра,
Павел Михайлович Баянов,
погиб под Москвой
22 января 1942 года в 20 лет.*

Война

Я помню митинг у конторы.
Я помню Молотова речь,
Что вероломно, словно воры,
Что нужно Родину сберечь.

Что мирный договор нарушен,
Подписанный на десять лет,
Что города фашисты рушат
И что от них спасенья нет.

А третьего июля Сталин
Призвал всех граждан на борьбу,
Что все народы с нами встанут
Решать всеобщую судьбу...

Известно: право наше дело,
Свободный мир за нас пойдёт.
Нам всем подняться нужно смело,
Тогда Победа к нам придёт!

Верность

Песня

Милый на фронте погиб у меня,
Сколько уж лет с той поры пролетело...
Но не проходит ни ночи, ни дня,
Чтобы я песню не спела.

Годы, как воды, уходят, и вновь
В хлопотах дни пролетают за днями.
Только ко мне не приходит любовь,
Только мечты остаются мечтами.

Вот засверкали на солнце ручьи,
Птицы весну разнесли над полями.
Парами ходят по полю грачи,
Я же одна со своими мечтами.

В солнечном небе плывут облака,
Лето украсило землю цветами.
Только на сердце тоскливо пока,
Только мечты остаются мечтами.

Лес малахитовый стал золотым,
Тянутся птицы на юг косяками.
«Горько!» — на свадьбах кричат молодым,
А я остаюсь со своими мечтами.

Годы, как воды, уходят вперёд,
Быстрые дни пролетают за днями.
Сердце так бьётся, как рыбка об лёд,
Только мечты остаются мечтами.

Ветеранам

Я приветствую вас, земляки,
Ветераны — друзья пожилые!
Я от чистого сердца пишу вам стихи,
Вспоминая деньки молодые.

Если нам оглянуться назад,
Вспомнить, как мы росли и как жили,
Как встречали зарю, провожали закат,
Как учились, трудились, дружили...

Опалённое грозной войной
Было наше короткое детство.
Это было не нашей виной:
Просто нам вот досталось в наследство.

В память врезались страшные дни,
Не забыты тревожные ночи...
Без мужчин оставались одни,
Слёзным горем залитые очи.

В нашей жизни закончился век —
Завершилось и тысячелетье.
В наше время простой человек
За семью, за страну был в ответе.

Мы устали от жизненных бед,
Тяжело переносим невзгоды...
На знамёнах великих побед
Есть, друзья, наши славные годы!

Мы помним войну

Здесь собрались фронтовики седые.
Помечены осколками войны...
Свои у каждого дороги фронтовые,
Свои у каждого походы и бои.

И в памяти хранятся эпизоды
От первых до последних её дней.
Мы помним, как колхозные подводы
В райцентры увозили нас, парней.

И суток не хватало военкомам:
Фронтам помочь старались поскорей.
И горечь расставаний к горлу комом,
И слёзы жён, любимых, матерей.

Так основные силы трудовые
На запад увозили поезда.
Парнишки, матери, девчонки молодые
Да деды заменяли их тогда.

Вставали за станки и за штурвалы,
Страну снабжали хлебом и углём.
Металл давали, стройки поднимали,
Ковали все победу над врагом.

После войны солдаты возвращались.
Соскучившись по делу, шли домой.
Работали. Поправить все старались
Порушенное яростной войной.

...Прошли десятилетиями уж годы,
И старость незаметно подошла.
И все переживанья, и невзгоды,
Вся тяжесть жизни на душу легла.

И новые болезни появились —
Не разберёшься, что вперед лечить...
Больницы, санатории открылись...
Спасибо вам, медсёстры и врачи!

Спасибо тебе, госпиталь тюменский,
Что лечишь победителей седых,
Афганцев от контузий и ранений
Да пацанов — чеченцев молодых.

Рассказ танкиста

*(Лазаренко Алексея Харитоновича,
старшего сержанта
Третьей танковой бригады,
жителя г. Омска)*

Шёл бой смертельный, бились танки.
Снаряды ухали, взрываясь.
И был успех попеременный.
Наш мчался танк, в землю вгрызаясь.
 Здесь всё сводилось на поверку,
 Всё испытанье проходило:
 Броня из Рура и Урала,
 Душа арийца и орала.
И вдруг, как будто бы во сне,
Заглох мотор «тридцать четвёрки».
И все попытки завести, как ни старались, —
Всё без толку.
 Враги всё видели, смекали
 И сзади быстро подошли.
 Буксиром танк наш зацепили
 И в тыл немецкий повезли.
Что делать нам? В душе тревога...
За танк, за бой и за себя.
Какая тяжкая дорога —
Быть на буксире у врага.

Включаю задний ход машины,
Слегка сцепленье отпускаю,
И ожил танк. Взревел мотор!
А я лишь скорости снижаю.
Один момент на остановку...
Фашистский танк забуксовал.
Уменье, силу и сноровку
В маневр вложил. И — наповал!
 Моё сработало решение:
 У фрица явное скольжение.
 На газ! Прибавил обороты!
 (В судьбе бывают повороты.)
Считай, из вражеского плена
Нейтралку мигом проскочили,
К своим вернулись тот же час
С фашистским танком про запас.
 С тех пор прошло больше полвека.
 Не меркнет память человека.
 Крепка уральская броня,
 Надёжна гусеница танка,
Тверда сибирская душа,
Хоть с Ангары, хоть с Иртыша.

Землякам, погибшим за Родину

Их много пало, трудно счесть,
Ничем утрату не измерить.
И где-то их могилы есть —
Хотелось бы хоть в это верить.
И где бы ни были они,
И где б они ни воевали,
Мы чтим их смерть:
В борьбе с врагом
Они за нас с тобою пали.
Пусть вдовы, матери придут
Сюда, к подножью обелиска,
И пусть долг чести отдадут
Погибшим там родным и близким.
И как бы сердце боль ни жгла,
И как бы злость ни клокотала,
Живые! Родина б жила,
В свободном мире процветала!

Один процент

*По данным статистики,
из мужского населения СССР 1923 года рождения
после Великой Отечественной войны
в живых остался один процент.*

Я из сотни один с двадцать третьего года,
Из крошечных боёв, из смертей, из огня —
Я из сотни один, не из роты иль взвода,
С фронта вышел живым. Вы поймите меня.
Были трудные дни, горевали солдаты:
На поддержку минроте дали только семь мин.
И сражались они, кто штыком, кто лопатой,
Отбивая атаки у Демянских равнин.
У противника — сила: бьют его пулемёты
Перекрёстным, кинжальным поливают свинцом.
Дальнобойные бьют, бьют с крестом самолёты,
И уходят из жизни бойцы за бойцом.
Не забудется бой: шла в атаку пехота,
Не бежала — ползла, не кричала «Ура!».
Сорвалось. Полегла под огнём пулемёта.
Трупы павших бойцов клали в ряд, в бруствера.
По убитым тогда не справляли мы тризны.
Белым саваном снег прикрывал им сердца.
И служили они после смерти Отчизне,
Защищая в окопах живых от свинца.

Рвутся снаряды

Рвутся снаряды,
Бои, Сталинград.
Я восхищаюсь
Отвагой солдат.

Гнали врага
Отцы наши, деды,
Шли до Берлина
За нашей Победой.

Но чтоб победить,
Себя не щадя,
Вызывали солдаты
Огонь на себя.

Давайте мы все
Перед храбростью их
Преклоним колени,
Помянем родных.

Огонь на себя —
За жизнь детей!
Огонь на себя —
За их матерей!

И пусть огонь славы
Всегда гореть будет,
А подвиг солдат
Никто не забудет!

Они сражались за Родину

Колышется степь, навевая
Память о прошлой войне,
Жестокой и беспощадной,
Будто бы в страшном сне.

Год первый мы отступали:
Неравными были силы,
Всё дальше шли на восток,
Кругом оставляли могилы.

Противник имел самолёты,
Танки, патроны, гранаты.
А наши парни — с винтовкой...
В боях погибали солдаты.

В тылу все ковали победу:
Работали ночью и днём.
И армия стала сильной,
Враг ослабел под огнём.

Он дрогнул, не выдержал силы,
Повсюду стал отступать.
Так наш народ победил их,
Смог до Берлина прогнать.

Должны навсегда мы запомнить,
Как дрались отцы наши, деды,
Как, жизни своей не жалея,
Уверенно шли к Победе.

Цвет чёрный и красный

Цвет чёрный и красный почти всегда рядом,
Цвет чёрных пожариц — проделки огня.
И красное солнце встаёт ранним утром,
На чёрную землю с любовью глядя.

На вольных просторах огромной земли
Цветут ярким пламенем красные розы.
Их дарят любимым своим женихи,
И капли воды на цветах, будто слёзы.

Да, в годы войны много пролито слёз,
Цвет этой печали — насыщенно-чёрный.
Умерших солдат не воротишь назад,
Навеки уснули в земле просторной.

Приказ выполняя, гибли солдаты,
Когда беспрерывно строчил пулемёт.
И, грудью своей друзей прикрывая,
Бросались солдаты на огненный дзот.

И тонкой струёю красная кровь
Из раны тихонько на землю стекала.
Земля содрогалась от взрывов снарядов,
Душа человека от горя стонала.

Почуяв добычу, вокруг «вороньё»
Пирует на чьём-то несчастье и горе.
Лишь ветер по-прежнему травы колышет
На кровью залитом широком поле.

Но мы победили, и над Рейхстагом
Взметнулось яркое красное знамя.
Усталый народ ликовал от счастья,
И красное знамя горело как пламя.

Цвет чёрный и красный почти всегда рядом,
Мы счастье познаем в великой борьбе.
И бесконечной широкой тропею
Цвет счастья будет в твоей судьбе.

Сталинград

Шли тяжёлые бои под Сталинградом,
Напор фашистов надо было удержать.
Дан приказ солдатам, офицерам:
«Назад ни шагу, город не сдавать!»

Держали оборону двести суток,
Повсюду была смерть, кровешный ад.
Бомбили немцы город с самолётов,
Повисли словно тучи гарь и смрад.

Дрались за каждый дом, за каждый метр,
Шли раненые в бой с винтовкою в руке.
Проклятые фашисты всех терзали,
Хотели утопить в кровавой нас реке.

Разрушен город был до основания,
В руинах стали все заводы и дома.
Большую роль в борьбе под Сталинградом
Сыграл мороз и русская зима.

Этот год в войне стал переломным,
Наша Родина скопила много сил.
И удар «катюшами» по немцам
Мощным и внезапным был.

Фашисты в панике повсюду отступали,
Первый раз они узнали мощь страны.
Больше миллиона здесь погибло,
Сколько было горя от войны!

Тридцать три дивизии немецких
Разбиты были или взяты в плен.
Но до победы шли ещё два года,
За землю воевали ночь и день.

Ещё два года боль утрат терпели,
Ещё два года хоронили мы солдат,
Ещё два года ждали и надеялись:
Вернётся муж с войны, а может, брат.

Вот наконец желанная Победа,
И эта радость безграничною была.
Измученная мать-земля вздохнула,
Весною ранней снова расцвела.

Разведчики

Совсем молодые были ребята,
Когда был приказ дан — в разведку идти.
Им надо попасть было в тыл немецкий,
Узнать все их планы, в отряд донести.

Тихонько прошли через линию фронта,
Как тени мелькали они на заре.
А днём отдыхали в ближайших лесах,
Лежали тихонько, прижавшись к земле.

Разведчики взяли в плен генерала,
В планшете фашиста карта была.
И эта добыча нашим войскам
Выиграть бой под Днепром помогла.

Чтобы сорвать все планы фашистов,
Нужно успеть всё в отряд передать.
Немцы на них объявили охоту,
Времени нет от погони бежать.

Спрятались в старом, заброшенном доме,
С центром отряда наладили связь.
Быстрее передать и в лес отступить,
Но их окружила фашистская мразь.

Как победить, если силы неравные?
Ну что же? Прощай, моя милая мать.
Падали парни, пулей сражённые,
Смерть не заставила долго их ждать.

Дом забросали фашисты гранатами,
За землю родную все полегли.
Но информацию в центр отряда
Ребята отправить всё же смогли.

Долг выполняя, себя не щадили,
Многих людей от смерти спасли.
И на войне молодые ребята
Вместе со всеми ношу несли.

Слава героям, нашим разведчикам!
Они погибали, чтоб жили мы,
Но русскую землю всегда защищали,
Спасали людей от фашистской чумы.

Победа досталась народу непросто,
Погибли в войну миллионы людей.
И память хранить о наших героях
Должны научить мы своих детей.

Павшим и живым

Поклон вам низкий, павшим и живым,
От всех людей, живущих на земле.
Ведь это вы в лицо смотрели смерти,
Четыре года были на войне.

Из сил последних, чтоб врага остановить,
Со связкою гранат на танк бросались.
И, жизни не жалея, погибали,
За Родину, за землю-мать сражались.

Ценою ваших жизней, пролитой крови
Имеем мы возможность просто жить,
Растить детей и строить города,
Мечтать, смотреть на звёзды и любить.
Поклон вам низкий, павшим и живым.

Валентина Борщевская

Память

Стоят в деревнях обелиски,
Стоят часовыми, молчат,
А рядом посмертные списки
Погибших советских солдат.

Приходят сюда их родные,
Чтоб память любимых почтить.
Для них они вечно живые,
Их горе ни с чем не сравнить.

Войны той жестокой, суровой
Нам всем никогда не забыть.
Мы будем писать о ней снова,
Чтоб мирно и счастливо жить.

Победная весна

Опять весна, и небо наше светло-сине,
Победная весна шагает по России.

Нам нужен мир, он так необходим —
На мирных рельсах мы давно стоим.

Пускай ужасная война у нас не повторится,
Пускай победная весна столетия продлится!

Гостей со всех концов Земли встречай!
Идёт весна, идёт Победный май!

Фаина Горчакова

Бессмертный полк

Великий праздник ждём мы целый год,
Ваш ратный подвиг мы не позабыли.
Мы не забыли слёзы матерей
Многострадальной Матушки-России.

Всего, что пережили, не забыть вовек,
Не передать всю боль словами.
Вы землю защитили от врага,
И вы сегодня вместе с нами.

Течёт река людских колонн
С портретами над головами.
И с неба мирного лучи
Сверкают и горят над нами.

И как бы ни пугали нас враги,
Войной и голодом нам ни грозили,
Шагает с нами наш Бессмертный полк,
Герои нашей доблестной России.

Они сражались за Родину

*Посвящается ветеранам
Великой Отечественной войны*

Река Ишим струится,
Как песенка звенит.
Любимая деревня
На берегу стоит.

И ветерок играет,
Листами шелестя.
Ушли на фронт ребята
Из нашего села.

Отправились отряды
Молоденьких парней.
Немногие вернулись
В свой дом, к семье своей.

Мы помним о героях,
Шагавших смело в бой,
О пареньках весёлых,
Что не пришли домой.

Спасибо, ветераны,
За славный подвиг ваш.
Здоровья вам желаем
И всем — поклон от нас.

Мы вам желаем счастья,
Весеннего тепла,
Нам подвиг ваш примером
Останется всегда!

Наш солдат

Уходили мальчишки
Воевать за страну.
Оставляли родную
Свою мать и жену.
 Защищали, сражаясь,
 Нашу Родину-мать,
 И не всем довелось им
 В дом вернуться опять.
Сколько их погибало
И в тылу, и в бою!
Преклоняюсь пред ними,
На коленях стою.
 С болью в сердце читаю
 Имена на камнях.
 Люди, помните вечно:
 Спас вас русский солдат!
Ради счастья Отчизны
Он себя не жалел,
Закрывал амбразуры,
В самолётах горел.
 Подвиг славных героев
 В нашем сердце всегда.
 Люди! Знайте об этом,
 Что несёт нам война.

Дети войны

Дети войны! Сколько вы пережили,
Голод и холод друзьями вам были.
Рано пришлось повзрослеть вам тогда,
Детство у вас растоптала война.

Хрупкие, нежные руки, как свечи,
Сколько же вынесли детские плечи!
В поле, на фронте, в лесу, у станка —
Ноша войны вам была нелегка.

Игры забыли, не отдыхали.
Все, как солдаты, победу ковали,
И в сорок пятом Победа пришла.
Радость и слёзы она принесла.

Вас не пугали вьюги, метели,
Бедность, разруху — всё одолели.
Но в сердце надежда теплилась всегда:
Крепкой, счастливой будет страна.

Зимы и вёсны быстро летели,
Головы ваши уже побелели.
Давно ушли в прошлое те времена,
Но голод, войну не забыть никогда!

Они победили войну

На свет появились мы в мирное время —
Давно отгремела большая война.
И мы не несли то тяжёлое бремя,
Что дедам на плечи взвалила она.

Нам незнакомы окопы сырые
И артобстрел незнаком...
Войны не видали мы, молодые, —
В иное мы время живём.

Но дедовский подвиг бессмертный
Мы помним и искренно чтим!
«Спасибо за всё, ветераны!» —
От всей им души говорим.

Спасибо за мирные годы,
За синее небо над нашей страной —
Им, подарившим нам жизнь и свободу,
Седым ветеранам Второй мировой!

Спасибо им, насмерть стоявшим
В жестоком кровавом бою!
Спасибо живым и павшим,
Отдавшим за нас жизнь свою!

Чтоб счастливо внуки их жили,
Они отстояли страну.
Они в той войне победили,
Они победили войну.

Солдатские медали

Отцу посвящается

...Воинской славой отец не гордился,
Заслуженных льгот никогда не просил.
Медалей как будто бы даже стыдился
И лишь на Девятое мая носил.
— Мне величайшая выпала льгота, —
Тихонько на кухне отец говорил.
— Я не погиб в белорусских болотах,
И сердце моё снайпер не прострелил.
Вернулся живым из кромешного ада:
Москва, Сталинград, могилевский «котёл»!
Европа, которой мне было не надо, —
И так до Рейхстага дотопал, дошёл!
А сколько ребят, молодых и красивых,
Кровушкой землю поили своей!
На бесконечных просторах России
Нет ничего этой крови святей!
Как жаль, что мы многого не понимали!
У нас не осталось отцовских наград.
Но память священна, она не медали.
Её невозможно никак потерять!

Старая фотография

Из минувшей войны на меня
Смотрит с жёлтого фото солдат.
Знать его я никак не могла,
Отчего ж мне знаком этот взгляд?

Гимнастёрка, медаль «За отвагу»,
И развалины за спиной...
Всё далекое, всё чужое,
Только взгляд почему-то родной.

Неожиданно прояснила
Мне обратная всё сторона:
Мой отец. В сорок пятом. В Берлине.
Мой отец — вдвое младше меня.

Мы не виделись с ним при жизни:
Недожив до Победы три дня,
Он погиб, защищая Отчизну
Нерождённую дочку — меня...

Мы при жизни с отцом не встречались...
Унесла его та гроза.
Он погиб, а в наследство остались
Мне его голубые глаза.

Память

Уже сказано всё
Про войну и победу,
Схоронили отцов,
А тем более дедов.

Много песен пропели,
Просмотрели кино,
Сто томов эпопеи
Прочитали давно.

И слеза уж не душит,
Если вдруг в тишине
Песнь динамик обрушит
О священной войне.

Успокоиться вроде
Наша память должна...
Но полезла отродья
Гитлерюгенд волна.

«Майн кампф» оживает
В головах чумовых,
Из щелей выползает
Вновь паук-крестовик.

Так вставай, русский парень,
У священных могил,
Чтоб сапог иностранный
Память не осквернил!

Май шагает державно,
Шаг чеканит солдат.
Знают пусть басурманы:
Не сдадим Сталинград!

Я помню...

Войны я, слава Богу, не застала,
Мне в «оттепель» родиться довелось.
Я о войне по книгам узнавала,
По кинофильмам, душащим до слёз.

А вот отца призвали в сорок третьем:
Худой мальчишка, восемнадцать лет.
Был снайпером, потом служил в разведке.
Два шрама на груди — с войны привет.

К нему я забиралась на колени,
Просила: «Расскажи, как воевал!»
Он вздрагивал и, весь лицом темнея,
Тянул из пачки «Беломорканал».

Ломалась в пальцах хрустко папироса,
И мне не сразу довелось понять,
Что для него больнее нет вопроса.
«Об этом, дочка, лучше помолчать».

Кровавая под Ельней мясорубка,
Не разберёшь, где наши, где враги,
Войной обезображенные трупы...
Но ты — солдат. Ползи. Вставай. Беги!

Давай, братки! За Родину! За Сталина!
В победном крике искривлённый рот.
И вот граница за спиной оставлена,
Но до победы ещё целый год.

Дорогу к ней вы жизнями мостили
И кровью поливали каждый шаг.
Кто хочет, чтобы это мы забыли, —
Вот он и есть наш настоящий враг.

Мне повезло: отец мой возвратился,
С медалью «За отвагу» на груди.
Но скольких же война осиротила
И сколько не родилось на Руси!

Они погибли, мальчишки-солдаты,
Отцовства счастья так и не познав,
В руках сжимая крепко автоматы,
Своих девчонок недоцеловав...

И эта боль отца переполняла,
Не знал он, как её поведать мне:
Ни слов, ни воздуху, ни духу не хватало,
Чтоб дочка правду знала о войне...

Спит на погосте, труженик и воин,
Мой папка. Не печалься обо мне.
И за Россию будь, отец, спокоен:
Я знаю всё. Я помню о войне.

Люська

Жёлтый глаз ромашка осыпала,
Плавилась июльская жара.
На траве, беспечная, лежала
Люська — пятой роты медсестра.
Рядом с ней, с себя бинты срывая,
Волком выл израненный солдат,
И умом, и сердцем понимая:
Не дотянет Люську он в санбат.
Бинт последний на него истратив,
Чёлку русую рукою отвела
И сказала: «Живы будем, батя!» —
Люську тут же пуля догнала.
Хрупкая девчонка-невеличка,
Синих глаз доверчивый туман...
Дочка, внучка, наша медсестричка,
Люська — пятой роты талисман.
Сколько жизней Люська сохранила —
Им не знать ли, тем фронтовикам!
Из груди её теперь сочилась
Медленно багровая река.
И солдат, с рукою перебитой,
Весь в крови, в поту, в земле, в грязи,
С русским матом, с Божьею молитвой,
С Люськой полз.
Ползи, родной, ползи!

Людмила Долгих

Обелиски

По всей России обелиски
Стоят безмолвно в тишине.
От А до Я — рекою списки
Погибших в страшной той войне.
Ушли навеки в сумрак синий,
А здесь — фамилии одни.
Здесь память вечная России,
Здесь каждый кровный иль сродни.
Недолюбили, недопели...
Поклон вам низкий до земли.
А в небе чистом в самом деле
Зовут кого-то журавли.
По всей России обелиски —
Войны особая печать.
От А до Я — погибших списки,
Чтоб никого не забывать.

Монолог пропавшего без вести

Бой последний тяжёлый и страшный:
Танки строем парадным идут.
Я убит, в списках значусь пропавшим,
И останки мои не найдут.
 Не придёт на меня похоронка,
 Там родные по-прежнему ждут.
 Не дождутся ни мать, ни сестрёнка —
 У иконы пусть свечку зажгут.
Нашей кровью земляца полита,
Все друзья мои рядом лежат.
Не былём поросло, не забыто:
Бились насмерть — ни шагу назад!
 Надо мной полыхают зарницы —
 Салютует родная страна.
 Я с победой хотел возвратиться,
 Боевые надеть ордена.
Я погиб, ничего не познавший,
Вместо савана — твёрдый гранит.
Не герой — я без вести пропавший,
Ну а вас пусть Господь сохранит.
 Сохранит города наши, веси,
 Чёрный дым пусть рассвет не затмит.
 Сколько нас полегло, неизвестных?!
 Мне бы знать, что никто не забыт.

Последний бой

Раны ноют и кровоточат,
Не даёт покоя война.
Засыпаю, а сталь грохочет,
И картина бойни страшна.

Где-то рядом упала мина,
Из окопа строчит пулемёт.
Я стреляю. О Боже, мимо!
Танк опять на меня идёт.

Притаился, дышу осторожно,
У меня две гранаты есть.
Закричу — так проснуться можно.
Я молчу, ведь товарищи здесь.

Поединок неравный с танком —
Бьются насмерть бойцы у опушки.
Я лежу на земле подранком
У своей раскуроченной пушки.

Лязг, разрывы, огонь — и снова
Давит в землю стальная броня.
Я не вышел из боя ночного,
Я не смог — не судите меня.

Бессмертный полк

Бессмертный полк идёт в строю,
Навеки присягнув Отчизне.
Бойцы за Родину свою
Сражались, не жалея жизни.

Я на портрет отца смотрю:
Он молодой, красивый, бравый.
У стен Рейхстага пал в бою,
Погиб без почестей и славы.

До Дня Победы один шаг.
Обидно, дома мать и дети...
Но в прах повержен лютый враг,
Зенитки стихли на рассвете.

Простой солдат большой страны,
Ты выжил, выстоял, не сдался,
И за тобою нет вины —
Бессмертным стал, в строю остался.

И к горлу подступает ком,
Нам память душу растревожит.
Портреты близких мы несём —
Единство чувствуется кожей.

Один порыв, одно стремленье,
Чтоб больше не было войны.
Идёт другое поколение —
России верные сыны.

Знамён и флагов красный шёлк,
И свет особый в юных лицах.
Победный май, Бессмертный полк —
Мы вправе предками гордиться.

Солдатская вдова

*Матери моей, Шемякиной Александре Никитичне,
посвящается. Муж, Гребенщиков Павел Васильевич,
пропал в июле 1942 г. без вести (данные военкомата),
но маме пришёл денежный перевод, где было написано:
«Умер в госпитале от тяжёлых ран».*

Жизнь твоя была несладкой
В двадцать пять уже солдатка.
С фронта нет давно ответа:
Затерялись письма где-то.

Но тебя спасали дети:
Нет дорожке их на свете.
Чем придётся, покормила,
Спать на печку уложила.
Шаль с кистями да шинель —
Вот и вся для нас постель.

Сама голодом легла,
В рот росинки не брала.
Да какая там еда:
Молоко и лебеда.

Похудевшая, как спичка,
«Деревенская москвичка!» —
За два платья все шутя
Называли так тебя.
Одно в праздники носила,
А в другом — коров доила.

Вспоминаешь не без слёз,
Как в отчаянный мороз
Кое-как скреплённый воз
Вниз скатился под откос.
Пару спиленных берёз
За быка везла в колхоз.

Счастье радостное ходит —
Горе тенью следом бродит.
С фронта денежки пришли,
В избу праздник принесли.

Но приписка там была,
Ты её потом прочла.
Вдруг ошибка, глаз обман:
«Умер от тяжёлых ран».

Враз смешалось всё в уме,
Пусто стало на земле.
Не солдаткой молодой —
Стала ты навек вдовой.

На душе всегда забота
Да колхозная работа.
Сено, силос подвозила
И три раза гурт доила.

Зимой проруби долбила,
Из реки коров поила,
А весною их спасала,
На верёвках поднимала.

Бабье счастье затерялось,
На войне, видать, осталось.
Ты с нуждою обвенчалась,
Горе горько не кончалось.

Твою участь разделили:
В переулке вдовы жили.
Ни кола и ни двора,
Ни пилы, ни топора.

Досок не на что купить,
Крышу нечем починить.
Дождик капает с утра —
Набежало два ведра.

Печку надо затоплять,
А дровишек нет опять.
Затащила в дом чурбак —
Печь не топится никак.
В ней истлели лишь пимы:
Их сушили на ночь мы.

Нас коровушка спасала:
Молока на всех давала.
Только чем её кормить?
С фермы нечего тащить.

— Ну же, дочка, помогай,
Ты коровку выгоняй!
Есть одёнки на снегу,
Сено я поберегу.

Зорька по дворам пошла,
Смёртушку сама нашла.

Снег плетень давно замёл.
Напоролась вмиг на кол...
Мы рыдали всей семьёй,
Будто умер кто родной.

Вот такая вдовья доля:
Море слёз и море горя!
Вам бы руки целовать
Да поэмы посвящать!
Но в сырой земле поэты,
Песни милым недопеты.

Детям войны

Память нам зарубки сделала —
О войне у вдов спроси.
Не видали света белого
Все солдатки на Руси.

Похоронки, похоронки,
Плач и стон со всех концов.
Стали взрослыми девчонки,
Потерявшие отцов.

И мальчишки возмужали —
Есть защитники в родне.
В поле сеяли и жали
С матерями наравне.

Голод, холод испытали,
В плуг впрягались за быка.
Дети малые страдали:
В доме хлеба ни куска.

Пучки ели и саранки,
В поле дёргали осот.
Вместо туфельек — портянки,
Рваны боты — круглый год.

Выживали, как умели,
Лишь бы выжила страна,
Лишь бы дети уцелели
Да закончилась война.

А нужда как дар, наследство.
И привычка — крошки в рот.
Зачеркнула война детство,
Обездолила сирот.

День Победы — особая дата

В День Победы салюты сияют,
Полк Бессмертный идёт впереди.
Ветераны тихонько вздыхают,
Вспоминая былые бои.

На груди их висят ордена,
Рядом жмутся, сверкая, медали.
Но всё дальше от нас война...
Мы о ней только в книгах читали.

Нам остались лишь писем строчки
Да скупые слова, что, мол, жив.
Не увидит боец своей дочки —
Рядом гулкий раздался взрыв.

Струйка крови течёт по шее —
Неужели пришёл конец?
И бумаги листок алеет,
Не допишет письмо боец.

Ну а тот, кто домой вернулся,
Сам не верил, что он живой.
Благ не требовал, не замкнулся,
Орденами не хвастал герой.

Не показывал, что он ранен.
Выжил, выстоял — значит, держись!
Не в чести бить челом ветеранам —
Для семьи, для страны трудись.

И трудился что было силы,
И в работе себя не жалел.
Для сынов, дочерей России
Только мира и счастья хотел.

Годы быстро летят, словно птицы,
Жить и жить бы, растить внучат.
Но война то и дело снится
И опять по ночам бомбят.

Не уйти из крошечного ада,
И ни шагу нельзя назад.
Бой последний им выстоять надо,
И под танки со связкой гранат.

В ночь уходят седые солдаты,
Тают быстро, как вешний снег.
День Победы — особая дата,
И её не забыть нам вовек.

Плач матери

Тишина, наполненная светом,
У могил солдатских тишина.
Всё теплом с рождения согрето:
Мать дарует жизнь, а смерть — война.
 Вечером вручили похоронку.
 Плач на всю округу — не унять.
 И соседки шепчутся в сторонке:
 «Пусть поголосит — на то и мать».

Слёзы всё текут, текут как реки.
Сколько их — не выплакать одной!
Красные глаза, припухли веки,
И причёты длинные, как вой:
 «В муках родила, водой умыла,
 От дурного глаза берегла.
 Почему же братская могила
 От меня сыночка забрала?

Почему его, а не другого
Заточила в ледяную тьму?
На селе возьми у нас любого —
Равных в силе не было ему.
 Что теперь судить-рядить о силе?
 Сколько жизней унесла война!
 Спи спокойно, мой соколик милый,
 Только мне сегодня не до сна.

Вспоминаю, как тебя растила,
Сколько шишек ты набил на лбу!
За куренье, шалости бранила,
Верила в удачу и в судьбу.
 Верила, что счастье есть на свете.
 Отче наш, детей от пуль спаси!
 Люди, что творится на планете?!
 Топчет враг святыни на Руси.
Чем же я прогневала вас, боги?
Крест тяжёл, одной мне не поднять...»
Вдруг виденье: мальчик босоногий
Тянет руки, чтобы мать обнять.
 Искорка в глазах её блеснула,
 Жизнь перед глазами пронеслась.
 Но зарницей память полоснуло,
 Паутины нить оборвалась.

Самое больное — наши дети.
Что же ты наделала, война?
Плачет мать, и горше горя нету...
У могилы сына — тишина.

А утром снова в бой за них,
Принявших смерть во имя
Родины, свободы, счастья жизни!
Всё худшее бывает вдруг.
Снаряд упал совсем так близко,
Осколков брызги резанули по ноге.
Пытался встать, но рухнул резко.
Пополз, но всё слабей надежда на спасенье.
Мне повезло: два старичка по полю шли
И обратили на меня вниманье.
Кисет махорки я им предложил.
Спасибо им, без них я точно бы погиб,
— Врачебная мне помощь — исцеленье, —
Отец вздохнул,
Провёл ладонью по культе иссохшей,
Остаток от ноги, напоминанье
О войне жестокой.
«Счастличик, — мелькнула мысль, —
Ведь там, где волею судьбы
Тебе пришлось сражаться,
Там жизнь как миг,
А «долгожитель» жил не более трёх дней*
И в вечность превращался.

* Статистика показывает, что участники обороны Ленинграда в среднем жили не более трёх дней.

Бессмертие своё обрел солдат,
Потомками хранимый.
Приятно видеть, как портрет отца
Течёт в колонне жизни мирной.
Пусть будет Родине служить
Его пример, как надо жить.

Р. С. Пантелей Михайлович Мастерских награждён медалью «За оборону Ленинграда», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», орденом Отечественной войны I степени и другими прижизненными юбилейными медалями.

Папка

*Посвящается отцу, защитнику
Ленинграда, города-героя*

Когда война — беда кругом.
И тыл, и фронт — в её он власти.
И нет спасенья ни здесь, ни там,
Где пушки бьют, огонь всевластен.
 В тылу ужасный дикий взгляд,
 Кругом растерянные лица.
 Надежда в жизнь ушла с войной,
 Покинув ребятишек свиту.

Ушёл отец, оставив дочь.
Ушёл, сказав супруге милой:
— Ты не печалься, я вернусь,
Лишь только съезжу до границы.
 Его крестьянская судьба
 Была трудом полна.
 И никогда в его руках
 Винтовка не была...

...Но натиск немцев был силён,
Гудела вся земля,
И только там отец узнал,
Как плавится она.

 Котёл кровавый вырыт был
 Из шквального огня.
 В атаку сотнями там шли,
 А выходило — два.

Вернулся, нет ноги одной.
Её заменой стала палка
С подставкой из доски простой.
Живи, солдат, ведь жизнь-то святая!
 И стал защитник Ленинграда
 В родной стране землянку рыть,
 Чтоб как-то спрятать от морозов
 Свою семью — ведь надо жить!

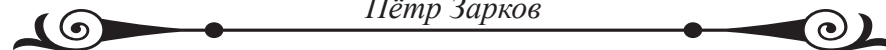
Чуть позже дали «ногу».
Протез тот весил пуда два.
А надо думать, как устроить
Трёх дочерей, что Бог им дал.
 Беда войны всю жизнь дышала
 В лицо семьи моей святой.
 Вот что осталось — это радость,
 Что папка был, он был живой.

Ветеранам

Ветераны войны и труда,
Вам победа нелегко досталась.
Наденьте свои ордена,
Вас так мало у нас осталось.

Вспомните всех поимённо друзей,
Кто погиб, не дождавшись победы,
Наливайте бокалы полней!
С праздником вас, с Днём Победы!

Украденное детство

Я помню сорок первый год.
Я был подростком в сорок пятом,
Как трудно нам жилось тогда,
Я расскажу своим внучатам.

Было тяжело нам зимою...

В опорках старых и тряпье

Искали мёрзлый мы картофель

В застывшей матушке-земле.

Сумерки спускались на село.

Волки завывали на подворье.

— Господи, быстрее бы рассвело,

Пронеси все напасти и горе!

Мы ждали с нетерпением весну:

Страдали мы холодною зимою.

Все радовались тёплому лучу.

Как хорошо, что выжили с тобою!

Нас лето красное питало:

Саранки, щавель, окунь на уху.

Мы ели всё, что под руку попало,

Всем наполняли «требуху».

Я часто думаю порой:

Что внукам дам в наследство?

Мы искалечены войной,

Она украла у нас детство.

Я не была на той войне

Я не была на той войне,
Не видела я голода и боли.
Но бабушка сказала мне:

— Не дай же, Господи,
Вам пережить такое!

Бабуля говорила не спеша,
А слёзы градом по щекам катились,
Ведь умирали два голодных малыша,
Когда фашисты в хату к ним вломились.

— Забрали все запасы, всю еду,
Оставив умирать в холодном доме,
И как я выжила, сама я не пойму.
Ты знаешь, внученька,
Как хочется забыть мне ту
Холодную и страшную войну!

Сегодня праздник, День Победы!
Целую руки бабушкины я
И обнимаю крепко-крепко.
Спасибо за победу, бабушка моя!
Медали на груди твоей сверкают,
Всё больше седины на голове,
И внуки с правнуками подрастают,
Довольные своей судьбой вполне,
Не зная и не ведая войны.

Я не была на той войне,
Не видела я голода и боли,
Но за Россию я горда вдвойне,
И лучшей мне не надо доли.

Уходят наши бабушки и деды

Всё меньше остаётся ветеранов...
Лицо в морщинах, голова седа.
Их подкосили боевые раны
И долгие тяжёлые года.

Когда Отчизну грудью закрывали,
Теряя жизнь и боевых друзей,
Они нас, нерождённых, защищали,
Чтоб мы могли растить своих детей.

Теперь же их остались единицы,
Уже по пальцам можно перечесть.
Запоминать нам надо эти лица,
Пока они ещё на свете есть!

Когда-нибудь на праздник Дня Победы
Никто из ветеранов не придёт...
Уходят наши бабушки и деды
В последний свой отчаянный поход...

И там уже не будет боли, страха,
Обиды, солнца, лета и зимы...

Нам подарили мир они когда-то,
А как теперь без них жить будем мы?!

Простите нас, седые ветераны,
За всё, что вам мы не сумели дать!
И вот теперь, когда мы вас теряем,
Мне больно так, что хочется кричать!

И я пред вами на колени встану
И руки ваши буду целовать.
Простите, дорогие ветераны,
За то, что вы уходите опять...

У обелиска

Я к обелиску Девятого мая
Молча цветы положу.
Как уходили отсюда ребята,
Я рассказать попрошу.

Капелькой крови алеют гвоздики,
Ветром колышется флаг...
Слушаю, как уходили парнишки,
Как побеждён был наш враг,

Как погибали они за Отчизну,
В танках горели за нас!
Чтобы мы жили счастливою жизнью,
Спали спокойно сейчас.

Весело солнышко в небе сияет.
У обелиска — венки.
Головы низко пред ними склоняют
Дети войны — старики.

Помнят они те жестокие годы,
Страшные ночи и дни.
Как люди ждали, когда же спокойны,
Счастливы будут они!

И наконец-то враги отступили!
Только навеки молчат
Те, что такую ценой победили,
В братских могилах лежат...

Вечная память войну победившим,
Убитым, умершим от ран!
Слава вернувшимся, всё пережившим!
Слава тебе, ветеран!

Не забудем!

Вижу на фото солдата.
Вижу, глаза закрывая,
Вот он лежит с автоматом,
Рану в груди зажимает.
Кровь между пальцев стекает,
Шепчет неслышное что-то...
Я никогда не узнаю
Этого парня на фото...
Нет, я не видел бомбёжек,
Смерти не видел ни разу,
Страшное слово «концлагерь»
Знаю я лишь по рассказу.
Нет, мы не жили в землянках,
С голода не умирали,
Песню не пели «Смуглянка»,
Бомбы на нас не бросали.
Знаем мы всё по рассказам,
Фильмам, картинкам и фото
То, что война — это страшно!
Это ужасное что-то!
Сколько разрушенных судеб —
Горе война несёт людям.
Пусть мы войны не видали,
Но мы её не забудем!

Так будь ты проклята, война!

Нам нельзя не помнить о войне —
Это наша боль, печаль и горе!
Не приснится даже в страшном сне,
Через что прошли защитники-герои!

Думал враг, как быстро победить,
Только рухнули намеченные планы.
Не сумел он душу русскую убить!
О победе должен был забыть.

Горела русская земля,
Стонала вся в кровавых ранах.
Блокадный выжил Ленинград,
Всем вопреки фашистским планам.

Вы от Москвы фашиста гнали
И отстояли Сталинград!
Под Ржевом насмерть вы стояли,
Плечом к плечу, за брата брат!

Я поклониться до земли хочу
Всем, кто остался на полях сражений
И кто пришёл с кровавой той войны,
Герои вы для новых поколений!

У нас у всех с войною счёты,
Ведь в каждый дом пришла беда...
О мире наши лишь заботы!
Так будь ты проклята, война!

Альвина Лебедева

Берегите мир!

Я хочу объявить в эфир:
— Люди! Берегите мир!
Будь проклята эта война!
Она никому не нужна.
Горячие головы быстро забыли,
Что россияне все пережили.
Сколько людей полегло!
От памяти — тяжело...
А как же ветераны?
До сих пор болят у них раны...
Как им смотреть на новые боины,
На братоубийственные войны?
Руки прочь от мирных людей,
Стариков и малых детей!
Снова фашизм не пройдёт,
Наша армия выход найдёт!
Да здравствует мир и труд,
Свобода, равенство и братство!
Пусть в каждый дом они придут,
Ведь это — главное богатство!

Валерия Насилевская

Война...

Это страшное слово ВОЙНА...
От него на висках седина.
Даже если был чёрен как смоль,
Стали волосы белой золой.

Это горькое слово ВОЙНА...
Сколько жизней украла она.
Жизни женщин и целых семей,
И мужчин, и невинных детей.

Приносила страданье и боль.
Но высокий наш подвиг святой:
Наш народ устоял, победил.
Для того, чтобы в мире был МИР!

Чтобы помнили дедов, отцов,
Неизвестных, но храбрых бойцов!
Партизан, стариков, матерей,
Всё отдавших и ждавших детей!

Солнца свет, щебет птиц. Тишина...
МИР ценить научила ВОЙНА!

Мальчишкам о войне

Мне кажется, я опоздал родиться,
И это — не одни слова,
Что бьют из уст, как из ключа водица, —
Давно окончилась последняя война.

А для мальчишки выше всех романтик —
Бежать в атаку с криками «Ура!».
Не заменить её открытием галактик,
Она как самая азартная игра.

Они не знают жуткой той картины,
Что создавалась на полях боёв,
Как смерть таится в вое мины,
Земной под взрывом нарушается покров.

Они не знают, а точнее, не представляют,
Как много бед влечёт она с собой,
И потому, наверное, в войну играют,
Увлечены придуманной борьбой.

А между тем другое назначенье
У этих игр имеется теперь.
Игра становится предметом обучения,
К солдатской службе прорубая дверь.

Чтоб знал пацан, что всех наград превыше
Тот труд, что делает солдат,
Что амбразуры закрывали грудью «наши»,
Когда у взвода не было гранат.

Что это делали их деды не для славы,
Не из желания пустого умереть,
Чтоб побеждал не тот, кто делом правый,
России с карт чтоб враг не мог стереть.

Их мужество, не знавшее предела,
Врагу дорогу преградило на Москву
И колесо истории вертело,
Чтоб мы теперь могли гулять в лесу.

Отец

Мой отец остался в живых.
Он один из бывалых и опытных...
Понимал сослуживцев своих,
Выполнявших приказы безропотно!
Было всё: окружение, штрафбат
Всем, кто вышел к своим из дивизии,
И блокадный во тьме Ленинград,
И нехватка снарядов с провизией,
И окопы Карельских болот,
И Сенявинские высоты...
Не один сократили год,
Не одну схоронили роту...
Хлеб с «балластом» из отрубей,
Временами же из опилок,
Запеканка из желудей
И табак средь письма и посылок.
Три контузии, новый расчёт
Командира «сорокапятки»,
Но в штрафбате это не в счёт.
Пролил кровь, и тогда ты в порядке.
Не скажу, что ему не везло,
Ведь в такой мясорубке выжил!

Всем смертям с чертями назло
Победителем всюду вышел.
И прямой наводкой стрелял,
Ведь по танку нельзя иначе.
И друзей на себе таскал,
От потерь мужики не плачут.
«Сорок пять» — несерьёзный калибр,
Но и он вёл огонь по танкам,
В их броне делал бреши дыр.
И себя не жалел без остатка.

В сорок третьем Курск, УКМ,
Старшина получает «младшего»,
И теперь офицер со звездой
Должен новый опыт оттачивать.
Заменили калибр и полк,
Дали взвод, чтобы юных натаскивал;
В три наката в КП потолок,
Но фашист их бомбами вспахивал.
За два года — уже капитан
С глухотой и ранней лысиной,
В двадцать семь, не имеющий ран,

Он достиг свою точку высшую.
Сорок пятый — фашистам «капут»,
На востоке — Китай и Япония.
И опять ветеранов — в путь,
После них лишь победа полная.
Через Гоби, Большой Хингал,
В тыл Квантунской мощнейшей армии
Налетели как ураган,
Самураев достав кошмарами.
Но приходит сорок седьмой,
Сокращенье победной армии,
Сокращён и едет домой
Новый мир и жизнь выстраивать.
Вновь учёба и новый брак,
Дед наш был из сибирских казаков,
И ему не перечит никак
Мой отец до девятого знака...
Нет, из памяти не уйдёт
Боевое их поколение,
В родословной своей
Каждый третий найдёт
Для стихов о войне вдохновенье!

Юлия Конащук

Снегири на снегу

Снегири на снегу, повидавшем печаль,
Улетайте, багровые, в светлую даль.
Но не могут взлететь, словно спят вечным сном,
А солдаты лежат «беспробудным пластом».
На войне каждый воин — мишень,
От чего на душе остаётся лишь тень.
А мужчин ждут с войны: сёстры, матери, жёны,
Им мерещится в избах душу рвущие стоны.
Ах, зачем и кому это нужно, война?
От тебя только боль, сердца скорбь, тишина.
Даже солнце мертво, что не в силах светить.
Не вернуть, не вернуться назад, не забыть.
Жребий брошен: кто выжил, а кто-то уснул.
Враг безжалостно жизни солдат зачеркнул.
Помоги, Отче наш, не позволяй умереть
Ты тому, кто с любимой мечтает стареть.
Улетайте, кровавые, — больно глазам!
Должен чистым быть снег, где нет места слезам.

МЫ ПОМНИМ

Вот опять пришла весна
И победа наша!
За плечами смерть видна
И «кровава» каша.

Кто пришёл живой с войны,
Будет вечно помнить,
Как отсутствие вины
Среди битвы тонет.

За стрельбой ещё стрельба —
Нет родной кровинки.
Невесёлая судьба...
Ручейком слезинки.

Кровью залита земля,
Что запечатлела
Стоны, грохот и тела,
Жуткие расстрелы.

Никого не пощадило
Вражеское зло.
В чёрном цвете
Жизнь бурлила,
Многих унесло.

Всё кипело и варилось —
Пища сатаны.
Воевавшим часто снилось
Зрелище войны.

И по сей, наверно, снятся
Жуткие мгновенья.
Вот опять глаза слезятся
Под рассвет весенний.

Эмма Редозубова

Два друга

В шумной коммуналке,
На улице Большой,
В квартире номер восемь
Жил Петька Луговой.

А рядышком — дружок его,
Пашка проживал.
С фамилией красивой —
Петровский это знал.

Друзья ходили в школу,
Шалили иногда.
Друг друга не давали
В обиду никогда.

И вот учёба позади.
И завтра выпускной.
Дорога жизни впереди
Зовёт всех за собой.

Петя в лётное пошёл:
Мечтал летать как птица.
Призвание своё нашёл —
Пусть небо покорится.

А Пашенька танкистом стал.
Служил он на границе
И зорко землю охранял.
Им было, чем гордиться.

В Испании, огнём объята,
Горели сёла, города.
И наши смелые ребята
Поехали вдвоём туда.

Жестокий бой, кровавый,
И враг шёл напролом.
Друзья-испанцы верные,
Шли вместе под огнём.

Два друга снова впереди
Ведут всех за собой.
И знают наши парни,
Что выиграют бой.

И вот война уже в Союзе,
И снова Родина зовёт!
Под марш «Славянки» на параде
Солдат на фронт идёт.

Возглавил Петя эскадрилью,
И счёт фашистам тут пошёл.
Сбивал он много «Мессершмиттов».
Войне скорей б конец пришёл!

А Пашка-друг танкистом был,
Он честно Родине служил.
Земля горела под ногами.
Да, трудно «фрицам» биться с нами!

На фронте встретились два друга.
Награды — их не перечесть!
Медали, ордена Союза
На кителях обоих есть.

И вот друзья перед Рейхстагом!
Капитулировал фашизм!
Он теперь с огромным страхом
Ждал расчёта за цинизм.

Все развенчаны их планы,
Миф развеян, словно пыль.
Свободу, мир мы отсталяли
И задушили эту гниль

И жизнь вернулась снова в русло.
И Петя стал опять летать.
А Паша в танковом училище
Стал технику преподавать.

У Пети — Пашкой сына звали.
У Паши — Петькой величали.
Их дружба — фениксом из пепла —
С годами только лишь окрепла.

Кто за это в ответе?

Военные будни, военные дни
Остались в двадцатом веке.
Столько судеб сломали они!
Кто за это ответит?

Развязали фашисты войну,
Захватили полмира спокойно.
Пришли они в нашу страну,
Получили ответ достойный.

Хотел враг Москву покорить,
У ног его чтоб лежала.
Наш народ никому не сломить!
Отважно сражалась держава.

Не видать ни конца и ни края
Этой проклятой войне.
Безвинные души страдали,
Горели в печах и в огне.

Сколько грусти, печали и муки
Выпало нашей стране!
Двадцать семь миллионов погибли
В горячем военном котле.

Близится праздник Победы,
Самый любимый, родной.
И слёзы роняют скупые
Ветераны Второй мировой.

Гляжу в эти ясные лица,
И сердце щемяще болит.
— Войне не дадим повториться! —
Набатом повсюду звучит.

Уходят годы фронтовые

Уходят годы фронтовые,
Уходят в глубину веков.
И ноют раны боевые
У бывших фронтовиков.
 Ветераны нашей Отчизны,
 Вы гордость и наша честь.
 Вы отдавали жизни,
 Чтоб Родину нашу сберечь.
Вы встали плотной стеною
Пред фашистской ордой.
Отчизны нашей герои
Страну заслонили собой.
 Союз пережил лихолетье,
 Годы страшной войны.
 Фашизм за это в ответе,
 За горе родной страны.
Встаёт над Россией солнце,
И небо синее вдали.
Отважные и бессмертные
Встают на защиту Земли.
 И будет опять наш праздник,
 И песни будут звучать.
 Бессмертные воины рядом
 По площади будут шагать.

Валентина Руденко

Всё для фронта!

Превратилась наша страна
В единый военный лагерь.
Солдаты бились на фронтах —
Тыл давал по две нормы за день.

В фонд обороны родимой страны
Люди средства свои отдавали.
Победить чтоб быстрее врага,
Кто как мог, все победу ковали.

Авиаэскадрильи и танки,
Построены были на деньги тюменцев —
Позабыть нам об этом нельзя.

И пионеры, школьники Тюмени
Собрали средства на танк и самолёт.
Достоинно воевали танк «Малютка»
И самолёт тот «Юный патриот».

Победа

Атаки, бои, канонады
Видят во сне до сих пор
Израненные солдаты,
Что дали фашистам отпор.

«Победа, победа!» —
Ликует сегодня страна.
Седым боевым ветеранам
Салюты и крики «Ура-а-а!»

Медали сверкают у дедов,
Гордость у внуков за них.
Цветы, и знамёна, и речи
У обелисков святых.

«Победа, победа!» —
Ликует сегодня страна.
Седым, боевым ветеранам
Салюты и крики «Ура-а-а!»

Помни!

Слушай, слушай,
Слушай эхо войны.
Насмерть бились
Сыновья твои.

Помни, помни,
Помни их имена.
Памяти книга
В нескольких томах.

Скажем нет мы
Страшному слову
«война».

Вдовы, сироты —
Это всё она!

У обелиска

У обелиска мать-старушка,
В глазах её такая грусть.
Прощался, уходил мальчишка:
«Не бойся, мама, я вернусь».

Ждала. От сына нет известий.
Он в сорок первом пал в бою
И навсегда ушёл в бессмертье,
Погиб за Родину свою.

А перед смертью тихо: «Мама,
Прости, обратно нет пути».
И на груди зияла рана —
Ей никогда не зарости.

В День Победы

Солдаты, теперь уж седые,
Цветы к обелискам несут.
Большое спасибо, родные,
За трудный и доблестный путь!

В атаку вы шли не сгибаясь
Под громкие крики «Ура!»,
Порою с землёю сливаясь
От воя снарядов врага.

Спасибо, солдаты седые,
За ратный ваш подвиг и труд.
На смену пришли молодые,
Границу страны стерегут.

Сны о войне

Поседели давно ветераны,
И всё реже надевают ордена.
И на их сердцах кровавой раной
Притаилась гадина — война.
И всё чаще их тревожат сны,
И всё горше слёзы в горле комом.
И уже не вытравить войны
Из сердец, саднящих валидолом.

...А я вот не была на той войне,
Но всё ж она мне тоже ночью снится.
И я мечусь в звенящей тишине,
Как на лету подстреленная птица.
А я вот не была на той войне,
Но всё же я о ней смотрела фильмы,
Где, словно в страшном и безумном сне,
Мелькали кадры ужасов Хатыни.

В сараях или запертых амбарах
Сгорали сотни, тысячи людей!

Их крик предсмертный бился запоздало
Под чёрным небом Родины моей.
Я вместе с ними в том аду сгорала,
И, всюю кожей чувствуя огонь,
Я фрица на коленях умоляла:
«Прошу, дитя невинное не тронь!»

А стоны страшных камер лагерей,
В единый жуткий стон они сливались.
И над страной измученной моей
Дождём из слёз кровавых проливались.
Вот танками растерзаны тела,
Как белым саваном их снег припорошит.
Мне снился этот бой, я там была,
Я знаю, как они хотели жить!

Чтоб видеть солнце в небе ярко-синем,
Чтоб дети их счастливыми росли
И чтобы, пролетая над Россией,
Так скорбно не кричали журавли.
...Люди! Поднимите в ладонях Землю
И качайте её, как дитя, в колыбели.
Каждому слову её внимлите,
Каждому вздоху её верьте.

Убит мальчишка под Москвой

Убит мальчишка где-то под Москвой,
Влюблённый в жизнь безусый паренёк.
Упал, закрыв собою шар земной,
В руке зажав завядший василёк.
Над ним застыла неба синева,
И ветер кудри русые трепал...
Всё падала и падала листва —
Зелёный саван тело накрывал.
А дома мать всё смотрит на дорогу
И ночью глаз усталых не сомкнёт,
И, почтальона встретив у порога,
Ещё письма не видев, всё поймёт.
И будет плакать, слёз не вытирая,
Не веря похоронке, тон сухой:
«Ваш сын Иван, Россию защищая,
Погиб. Пал смертью храбрых под Москвой».
— Сыночек мой! Кровиночка! Родимый!
Опора горькой старости моей,
Не встретивший ещё своей любимой,
Не подаривший Родине детей.
...Солдатские могилы на планете...
Там спят сыны уже немало дней.
Пусть над землёю ярче солнце светит
Для их осиротевших матерей.

Любовь Сурель

Скорбь о погибших

*Посвящается Стельмах Т. И.,
погибшему в 1941 году*

Фотография в рамке
Сколько лет уж висит.
Парень бравый в будёновке
На старушку глядит.
Плечи гордо расправил,
И улыбка в глазах,
А её труд состарил,
Седина в волосах.
Жизнь прожита недаром —
Всё успела, смогла,
Как положено людям,
Крест по жизни несла.
Только что-то тревожит,
И не спится порой.
К ней ночами приходит
Её брат молодой.
Он шинель не снимает
И в пороге стоит,

На сестру взгляд бросает
И с печалью глядит.
Этим старую рану
Он сестре бередит,
И она спозаранку
В красный угол спешит,
Пред иконой склонившись,
На коленях стоит,
О безвинно погибшем
Сколько лет уж скорбит.
Двадцать было солдату,
Всё пришлось испытать,
А вот весточку брату
Не успел он послать.
Сорок первый жестокий —
Кровь повсюду и смерть.
Следом гнался заклятый,
Обезумевший зверь.
Так хотелось солдату
До победы дожить
И фашисту-тирану
Приговор огласить.
Он в разведку бесстрашно

Сколько раз уходил
И врагов врукопашную
Много раз победил.
Но однажды на «тигры»
Их отряд наскочил,
И отбиться от своры
Не хватило им сил.
По-над лесом раздался
Раздирающий крик...
Враг злорадно смеялся,
Обезумев в тот миг.
А тела всех погибших
Дед в саду схоронил
И о смерти родным их,
Когда смог, сообщил.
Документы прислал им,
Как погибли, писал,
Потому вот пропавшим
Наш Трофим и не стал.
Сколько судеб похожих,
Сколько пало солдат!
О безвинно погибших
Их родные скорбят.

Их подвигу кануть в веках не дано

Где вы, отзовитесь, родные сынки?
Окопы сравнялись, травой заросли.
Вас матери ждали, отцы-старики,
Не все с поля битвы живыми пришли.

В суровый и грозный тот утренний час
Достойный отпор они дали врагам,
Стеной неприступной поднялись за нас.
Их подвиг забыть и измазать не дам.

Неважно, что это случилось давно,
Что сделано ими — всегда будет свято.
Их подвигу кануть в веках не дано,
Бессмертным должно быть имя солдата.

Под знамя отцов соберём мы полки,
Ведь мы ветеранов, героев тех дети.
Дороги их были совсем не легки,
За мир мы всегда перед ними в ответе!

Нина Тарасова

Письмо 41-го года

*(Из учебной роты «молодого бойца»,
сформированной в Синицынском бору)*

Здравствуй, мама! У меня всё хорошо.
Кормят, в общем-то, прилично.
Бриться стал и закурил.
Остальное всё отлично.
Только нас гоняют здесь нещадно,
Успеваем лишь портянки посушить.
И, конечно, мы недосыпаем.
В остальном, так скажем, можно жить.
Не волнуйся, мама, я везучий.
Верочке, соседке, передай:
Пусть дождётся, я с войны вернусь
И, конечно, привезу медаль.
Вот и всё. Целую и до встречи.

Дома холод, по полу несёт...
Сынок жив, он рядом, недалече.
На дворе декабрь. Сорок первый год.

Война

Мать беспокоилась о сыне:
Давно уж не было вестей.
И сны ей снились, сны такие...
От снов бежать хотелось ей.
 Туда, где сын её воюет,
 Где враг родную землю жжёт,
 Где смерть нещадная ликует, —
 Там неизвестность сына ждёт.
В избе тихонечко молилась
За сына, чтобы уберёг.
Отца небесного просила,
Чтоб от беды предостерёг.
 Весна пришла с цветением,
 Все мысли, думы о другом:
 О жизни, о тепле весеннем...
 Беда вдруг постучалась в дом.
Письмо пришло, но не от сына.
Он написать уже не мог.
И мать тихонько голосила,
Что Бог сыночка не сберёг.
 Нет в живых уж бабы Поли,
 Вечным сном старушка спит.
 Обелиск в деревне из гранита
 Память о войне хранит.

Ветеранам

Сколько оптимизма,
Веры и добра,
Сколько пережить пришлось,
Когда была война?!

Усталости не зная,
Трудились на полях,
Чтобы в окопах было
Полегче воевать.

И этот жадный голод —
Он всем известен был.
Зима, студёный холод,
Но вас он не убил.

Вы выжили, остались
За тех погибших жить,
Чтоб быть живым примером,
Как Родине служить.

Отчизны солдат

Мы славим тебя,
О русский солдат!
Себя не щадя,
Ты шёл на закат.

И жизнь не берёт
Свою про запас.
Под пулями лёг,
Но Родину спас.

Но только порой
Забываем сказать,
Кто вместе с тобой
Шёл в бой умирать,

Кто рядом стоял,
Глядя смерти в лицо,
А ты его звал
«Генацвале», «кацо».

Быть может, грузин
То был или сван,
Казах, осетин
Или вовсе цыган.

Но каждый страну
Своею считал
И землю одну
От зверя спасал.

Хохол иль узбек...
Ты больше, чем брат.
Так славься вовек,
Отчизны солдат!

Мишка

Деревенский парнишка,
На груди ГТО.
По-простецкому Мишкой
Величали его.
Пусть чуть-чуть неуклюжим
Был наш малый пострел,
Но характером дюжий
И отчаянно смел.

В час, когда враг коварный
На Москву наседал,
Своей дивчине гарной
Мишка пообещал:
«Будь спокойна, родная,
Не тревожься, клянусь:
Одолею врага я
И с победой вернусь!

Моё слово мужское,
Ты его не забудь,
А на дело святое
Пожелай: “В добрый путь!”».

Приголубил молодку,
Мать в объятиях сжал.
Нахлобучив пилотку,
На прощанье сказал:

«Вы мне, мама, простите,
Что оставил одну.
Лучше благословите».
И ушёл на войну.
Нету весточек с фронта,
Приутихло село.
Обсуждают негромко
Сводки Информбюро.

Замирает Прасковья,
На душе непокой.
Кто-то там, в Подмосковье,
Принял смертный свой бой.
Вот припала к иконке:
«Боже, деток храни!
На Калининском фронте,
Подо Ржевом они».

Жизни нити так тонки,
И порвать их легко.
Всё летят похоронки,
Чтоб им ногу свело.
А Прасковьи парнишка
В тех боях возмужал.
Лейтенантом уж Мишка
Оборону держал.

Получал он раненья,
Бил врага наповал,
И на юг продвиженье
Группе «Центр» сковал.
Я уверен, до Бога
Те молитвы дошли.
Ведь была перемога,
И в Берлин мы вошли.

Мишка, Ванька ли, Колька,
Кто в земле, кто живой.
Судеб разных-то сколько,
Опалённых войной?!
Память — наша награда,
Мы её сохраним.
Мёртвым это не надо,
Это надо живым.

Татьяна Усольцева

*Моему деду, Андрею Ивановичу Кононову,
пропавшему без вести под Смоленском в 1943 году*

Сколько лет уж прошло —
Не утихнет боль.
В сердце раны войны —
Я ношу их с собой.

По рассказам солдат
Да по книгам, кино,
Пред глазами стоят
Те герои давно:

Ордена на груди —
То сраженья войны.
Помнить будем мы вас,
Хоть домой не пришли.

Разметало вас всех
По дорогам войны.
Грудью нас заслонив,
Пали мёртвыми вы.

Фёдор Фёдоров

Опоздал родиться

Вы остались навек
На защите страны
И, себя не щадя,
До Берлина дошли.

Вот взлетает салют,
Мы садимся за стол...
Где же, где же ты, дед,
Что с войны не пришёл?

Я не стрелял из пулемёта
По ненавистному врагу.
Я не бросал гранаты в доты,
Не брал плацдарм на берегу.

Я никогда не спал в траншее,
Сырой от талых вешних вод.
И не текла мне грязь вдоль шеи
Из хляби припятских болот.

Не я в степи под Сталинградом
Полз, на зубах скрипя песком.
Не я тогда увидел рядом
Дружка с простреленным виском.

Не я в тяжёлом марше прибыл
В бой, на позицию свою.
Не мне случилось делать выбор:
То ль жизнь в плену, то ль смерть в бою.

А мне пришлось потом родиться,
Чтоб этому не повториться.

В память о 229-й дивизии

Моя ишимская дивизия.
В поту солёном патронташ.
Прикрыв глаза, как будто вижу я
Твой пятидневный тяжкий марш.

Потом — «война на дальних подступах».
Фашисты шли на Сталинград.
Жара. И бомбы смертной россыпью.
И Кузнецовская гора.

Там бой свой первый, смертный приняли,
И там свинцовая гроза
Из юных тел их души вынула.
И — прямым на небеса.

Моя мальчишечья дивизия...
(По восемнадцать-двадцать лет).
В боях всего семь сотен выжило,
Потом и их растаял след.

Не знамениты, не великие,
Не удостоились наград,
Все полегли под Суровикино,
Собой спасая Сталинград.

Теперь цветут цветы весенние,
Но нелюдимы те поля.
Они не паханы, не сеяны.
С тех пор там мёртвая земля.

Моя пропавшая дивизия
С несправедливою судьбой.
Прикрыв глаза, как будто вижу я
Твой первый и последний бой.

Празднуем Победу

Вновь зелёные метели
В роще рядом закипели.
Всё кипят, кипят, не тают,
Понемногу укрывают
Белизну берёзок звонких,
Целомудренных и тонких.
Люди долго мая ждали,
Май умыл людей дождями.
Люди празднуют Победу,
Нам её отцы и деды
В тяжких битвах добывали,
Отступали, наступали,
Гневом души выжигали,
Боевых друзей теряли.
На обугленных высотах
Шли с гранатами на доты,

Падали, опять вставали,
Но Победу приближали.
Мы в торжественной печали
Наш великий день встречаем.
Правнук с прадедом в колонне:
Нас сегодня миллионы
В этот день в полку Бессмертном
В разных уголках планеты.
Вся страна у обелисков
Павшим кланяется низко.
Этот праздник — он сквозь слёзы.
Плачут белые берёзы
По погибшим, по ушедшим
Этим чистым утром вешним.

Мемориал у Богоявленского собора

У собора — силуэт солдата,
Он шагнул сквозь стену, канув в вечность.
Трудно мне представить, что когда-то
Был он молодым, живым, беспечным.
 Ведь была, наверное, невеста,
 Если был женат, то были дети.
 Он ушёл. В стене — пустое место
 В холодящем душу силуэте.
Я в больших боях, конечно, не был,
Раны, как отца, не беспокоят.
Я смотрю в просвет и вижу небо —
Небо над крестами — голубое.
 Каждую весну приходят люди
 И кладут цветы под силуэтом.
 А на плитах — списки горьких судеб,
 Прерванных на взлёте, недопетых.
А на плитах — имена погибших
Земляков, что к семьям не вернулись...
Нет, героев не бывает бывших —
Святы все, кто к смерти прикоснулись.

О войне без громких слов

На родимой на сторонке
Нет и дня без вдовьих слёз.
А в деревню похоронки
Почтальон всё нёс и нёс.
 Письма с горем, как снаряды,
 И вслепую, и вразброс:
 То к соседке — близко, рядом,
 То подальше Бог отнёс.
Мать с детьми одна осталась
С четырьмя — все мал мала.
Боль, тревогу и усталость
Скорбно, тяжко, но несла.
 Я храню, как дар бесценный,
 Как редчайший раритет,
 Фото из поры военной
 С мамой в двадцать восемь лет.
Эту карточку у сердца,
Там же, где и партбилет,
Сохранить сумел отец мой
В передрягах грозных лет.
 Все четыре года долгих
 Прошагал в строю отец.
 Рана. Госпиталь за Волгой —
 Встретил там войны конец.

Не искал, не жаждал славы,
А сражался так, как мог.
Повезло: в боях кровавых
Для семьи себя сберёг.

Только очень неохотно
Вспоминал войну свою.
Знаю, был пехотным ротным,
Знаю, ранен был в бою.

Слышал я от старших братьев,
Если в бой звучал сигнал,
Вроде бы безбожник батя
Крест нательный надевал.

И забыть, как сын, не вправе я,
Вплоть до смертного конца,
Строки автобиографии
Воевавшего отца.

Наконец пришла Победа.
Стала полною семья.
Поутихли скорби, беды.
А потом родился я.

Мы в четвёртом поколенье
От свинцовых страшных гроз.
Их почти уже в забвенье
Ветер времени унёс.

Как сберечь святую правду
Тех трагических времён,
Чтобы мой любимый правнук
Правдой не был обделён.

Я боюсь, пора настанет,
Мы забудем ту войну.
Но, коль потеряем память, —
Потеряем и страну.

Проросли леса сквозь годы
На местах боёв лихих,
Только ищут и находят
Павших поисковики.

Только с каждым годом шире
И мощней людской поток.
Зародившийся в Сибири,
Крепнет наш Бессмертный полк.

Вместе с ним крепчает память,
Как весенняя река.
Держим мы Победы знамя
Высоко и на века.

Танк

Он на Урале был построен
Сырой военной весной.
Он был могуч, красив и строен,
Но с эшелона — сразу в бой.

От пуль, осколков и снарядов
Копились шрамы на броне.
Он горевал, что гибли рядом
Друзья железные в огне.

Случалось, что-нибудь откажет,
Тогда чумазый экипаж
Отремонтирует и смажет,
И снова — бой, и снова — марш.

Мой танк ворвался первым в город
И расстрелял фашистский штаб.
И в панике проклятый враг
Ударился в поспешный «драп».

Бросок — стремительный и скорый.
Отстал пехотный батальон,
Но заминированный город
Атакой дерзкой был спасён.

Как зверь, зализывал он раны,
Смертельно от войны устав.
И в благодарность горожане
Танк вознесли на пьедестал.

Стоит теперь, сверкая краской,
Он встал надолго, на века.
Но помнит бой последний, страстный
И опалённые бока.

Цветы, протянутые руки.
Как командир на башне пел!
Оркестра праздничные звуки.
И город — тот, что уцелел.

Стоит спокойно и устало,
Но знаю, коль настанет час,
Мой танк рванётся с пьедестала,
Услышав боевой приказ.

Последнее письмо КОМДИВА

В пожарах хуторá донские.
Он про еду и сон забыл.
Но — строчки твёрдые, мужские
В письме к родным в далёкий тыл.

«Привет вам, Аня и Веруся!
Пишу вам на письмо ответ.
Пишу — и не скрываю грусти
По дням счастливым мирных лет.

Я день и ночь на поле боя.
Пятнадцать суток —
 сплошь в огне.
Здесь я один, а вас там двое —
Победы пожелайте мне.

Уже полсотни вражьих танков
Коптящим пламенем горят.
Дрожит под взрывами землянка,
Но держится тройной накат.

Бьют пулемёты, ритм чеканя.
Вот трассер небо расчертил.
Уверен — ваши письма, Аня,
Мне в битве прибавляют сил.

И он наступит — час расплаты
С врагом заклятым. А сейчас
Мои сибирские ребята
Не дрогнут, выполняют приказ.

До встречи, Аня и Веруся!
Пусть жизнь разлуками полна,
Но твёрдо верю, что вернусь я,
Когда закончится война».

Остатки штаба в узкой балке.
Нет больше связи. Нет воды.
Комдив — военная закалка —
Но весь в предчувствии беды.

Сегодня враг прорвался к Дону,
Путь к переправам перекрыт.
В обозе раненые стонут.
Сейф с документами зарыт.

Земля, как женщина, рыдает,
Тот плач летит во все края.
Земля —
 горит.
Земля —
 пылает.
Но всё равно она —
 своя.

Земля, питанная кровью
Мальчишек —
 яростных бойцов, —
Здесь не боюсь высоких слов я —
Навек несбывшихся отцов.

Мечтал в письме о дне
 победном
В свои каких-то сорок лет.
Но как прожил он час последний —
Архивы не дают ответ.
...
На чарке с водкой — ломтик хлеба...
Скорбим мы, память возродив.
Сияет чистотою небо
Над степью, где погиб комдив.

Война — войною остаётся

Евдокия Аверина

Евдокия Аверина

Аверина
Евдокия Михайловна
(с. Равнец)

Всё для фронта!

Близится 75-я годовщина Великой Победы над фашистской Германией. Готовится наша страна к знаменательной дате, ко встрече Дня Победы. Вот и я хочу рассказать, как досталась нам, детям, то лихолетье. Было мне тогда 10 лет, когда грянула война.

*Война. Какое злое слово!
Ранит душу оно каждый раз,
Когда произносишь его, если надо,
Так сердце сжимает подчас.*

Когда началась война, отца сразу взяли на фронт, а мы, пятеро детей, остались с мамой, которая пошла на работу, на пекарню тестомесом, хлеб стряпать. А мы, три сестры, ходили в школу. Двое ещё

не учились. Очень трудное было времечко тогда. Нам говорили: «Всё для бойцов, для фронта, для победы!» И мы помогали, как могли, фронту.

Это было подсобное хозяйство ОРСа железной дороги (Отдел рабочего снабжения), где выращивали овощи: картофель, морковь, лук, капусту. И всё это было уже на плечах школьников, так как женщины были заняты другой работой на производстве: пекарня, депо, завод МПС, ВРД и другие производства. Вот мы морковь пололи, тяпали траву, картофель, помидоры окучивали, за это получали по труду: нам молоко (обрату) всем по бокалу выдавали.

Вот так всё лето, а осенью уборка урожая опять же на нас, ведь учебный год начинался с 1-го октября, а заканчивался 20-го июня. Надо было вовремя всё убрать, прибрать и отдохнуть нам удавалось всего 5 дней, 25 сентября — каникулы, а 1 октября — в школу.

На работу часто ходили вместе с горем: кто-то получал уже похоронки. Но у нас, детворы, были и радости: песни пели, перекидывались то морковкой, то картошкой, когда её копали, а тётя Маруся, наша надзирательница, ругалась, говоря: «Это же бойцам, вашим отцам, может, сёстрам — всё для фронта, для победы». Но это был всего минутный отдых. Не было нам отдыха и в учеб-

ное время: собирали металлолом (как говорили, на танки, самолёты), золу для удобрения полей. Ещё школьники брали шефство над госпиталями, их в Ишиме было много. И вот хоть в месяц раз ходил наш класс на хутор в диспансер, там находился госпиталь.

Гостинцы раненым носили, говорили о себе, стихи читали, песни пели, писали письма им, кто сам не мог, чтобы с победой ожидали их. А вечерами, когда сделаны уроки, старались опять: носки, рукавицы вязали, чтоб на фронт всё это послать. Была у нас соседка тётя Маруся, она и вязала для фронта варежки, носки, получала шерсть, пряла, а мы, девчонки, её соседки, приходили вечерами к ней и помогали ей вязать. Я рано овладела этим рукоделием, ещё дошкольницей у бабушки в деревне. Она всё говорила: «Уметь — иметь — не занимать». Вот это мне и пригодилось в войну.

Весело было на вечерках: и работали, и рассказывали разные истории, а как хорошо песни пели — заслушаешься. Тогда появилась песня про девушек, которые тоже вязали варежки. Мы быстро её подхватили, немного переделали на свой лад:

*Где-то в Омске, а может, в Ишиме
Не ложились девушки спать:*

*Они варежки тёплые вязали,
Чтоб на фронт их в подарок послать.*

А там появилась песня «Катюша», и её подхватили. А сколько частушек пели на военную тему, плясали под частушки, музыки-то не было:

*Милый в армию ушёл,
А я сказала: «Точка.
Никого любить не буду
Эти все годочки».*

*Вы поверьте нам, ребята,
Мы вас здесь не подведём.
И посеём, уберём всё,
Урожай сполна возьмём.*

Уходили уже за полночь. А утром каждая — за своё дело на производстве.

Шла война, и мы росли, становились старше, обо всём, что делали в тылу, писали на фронт на какого-нибудь старшего военного, а потом в школу приходили письма. Директор школы зачитывал их на линейке, это были благодарственные письма за помощь фронту: за металлолом, за варежки, портянки. Мы гордились такими письмами, обязательно дома рассказывали о них.

И так все четыре года, пока шла война, работали, и ведь никто не ныл, не жаловался на нелёгкий труд каждый день. Разве только дождь мог сделать выходной, мы и этому были рады. Конечно, трудно жилось: хлеба получали всего по 200 граммов на человека по карточкам, поэтому за пайком ходили в магазин рано, иногда и уроки из-за этого пропускали, но не ругали нас, все причину знали. За хлебом ходили по очереди мои старшие сёстры.

Но вот пришёл радостный и долгожданный день. Бежит народ куда-то утром, спрашиваем, куда они бегут, а они кричат на ходу: «Война кончилась!» У клуба, на столбе, было радио, и диктор громко целый день с утра до вечера говорил о прекращении войны, о победе. Радости не видно конца. А нас, шестиклассников, ещё отправили в Карасуль, на уборку сена. Здесь я хорошо «познакомилась» с быками, на которых возила волокуши сена к стогам. Было нас 12 человек. А мне и Кате дали быков. Узнали сполна колхозную жизнь, хотя я с ней уже была хорошо знакома, я и корову доила, когда летом жила у бабушки с бабушкой в деревне.

В 1943 году папа пришёл с фронта по ранению. Вот ему ОРС (Отдел рабочего снабжения) и предложил организовать отдел рыболовов. Что он и сделал. Рыбачить надо было на Мергене со стороны деревни Гагарино. Организовал бригаду из 5 чело-

век. Летом жили у озера в землянках. Рыбу сдавали в ОРЗ, через день за ней приходила машина и готовую увозила в столовую. Но это было летом. А зимой? Папа получал пряжу, из которой вязал сети разных размеров. Мы с братом помогали. И так всю зиму, пока озеро не раскрывалось ото льда. А там папа уезжал на рыбалку на всё лето. Со своей бригадой отец проработал 10 лет, с ним была и мама. А я оставалась дома за старшую, так как старшие сёстры, окончив учёбу, уже ушли из дому. А мне, старшей, досталось больше всех.

После окончания семи классов никуда учиться не отпустили родители, надо было помогать отцу снасть готовить для рыбалки, помогать по дому летом, а мне хотелось учиться, ведь все мои сверстники учились. И только в 1949 году я поступила в Ишимское педучилище, а окончила его в 1953 году.

Так с 1953 года я живу в селе Равнец по сей день. Здесь вышла замуж, родила троих сыновей, все жили в этой же деревне. А я и работала и многому ещё училась: окончила в Тюмени двухгодичные курсы повышения квалификации учителя русского языка и литературы, закончила курсы шофёров, получила права, прошла курсы шитья головных уборов и воротников. Летом обшивала всю деревню шапками-ушанками, зимушками. Колхоз дер-

жал песцов, лис-чернобурок, их забивали, шкурки выделывались и продавались колхозникам, а я как раз окончила эти курсы, себе воротник сшила, и пошли ко мне наши бабы с просьбой: кому воротник, кому шапку. Так и начала обшивать не только своих односельчан, а и дальних. Жила работой и семьёй.

Сыны, отслужив в армии, вернулись домой, женились, но вскоре — через 2 года (в 1981-м) муж умер. И вот тут мне досталось больше, чем в войну.

Но я всё пережила, работала, конечно, школе много уделяла времени, отдыхать было некогда. Всегда вела большую общественную работу: внештатная работа в РОНО и райкоме партии, в партию я вступила в 1957 году. Вечерняя школа тоже была на мне лет 7. В школе вела кружок рукоделия. Всегда старалась выполнять задания в срок. И вообще, всегда всё делала старательно, без замечаний. 10 лет в школе аттестовалась по 14-му разряду, за что получила соответствующие награды: медаль «Ветеран труда» и много других медалей и почётных грамот. Но особенно ценна медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Трудно всё описать, не всё уже и в памяти сохранилось, но то, что помнится ещё, не уложить на страницах бумаги. Думаю, что не зря я прожила жизнь. Сохранила семью, она у меня большая:

27 человек (6 внуков, 11 правнуков). Один раз в году обязательно все собираются у меня, от мала до велика. В деревне, кажется, я пользуюсь авторитетом у односельчан, они ко мне идут с разными вопросами. Всегда ходила в клуб, так как люблю художественную самодеятельность. Я очень много ездила по городам нашей страны, многое посмотрела, детей своих возила и школьников тоже. Даже в «Артеке» мои старшие сыновья побывали.

Вот так и прошла моя жизнь, хотя ещё не окончена она, что будет дальше — буду держать ответ, может, что и упустила, всего не упомнишь за столько лет. Мне ведь восемьдесят восемь, но хочется жить, быть полезной своим близким, не терять интереса ко всему, что происходит вокруг.

Живые строки войны

*(Воспоминания ветерана
Великой Отечественной войны С. И. Баянова)*

На станции Бологое эшелон подвергся бомбардировке настолько сильной, что двигаться в поезде было опасно, и мы шли к линии фронта в походном порядке: пешком, на лыжах. Миномёты и другое тяжёлое снаряжение везли на конных повозках.

*Ветеран Великой
Отечественной войны
Сергей Иванович Баянов
(п. Октябрьский)*

Во время движения фашисты часто бомбили и обстреливали с самолётов колонну. Часть повозок была разбита. Были и жертвы, продвигаться днём стало невозможно. Поэтому шли ночью. Открывать огонь по самолётам противника

было запрещено, чтобы не выдать движение колонны. Более 300 километров пришлось прошагать в полном обмундировании и с вооружением.

Чем ближе к фронту, тем чаще были налёты врага. А с ними и больше жертв. Калининский фронт. Шли в район Демянск — Молвотицы. Здесь была окружена 16-я немецкая армия. Очень извилистая линия фронта. Наш батальон направляли в места предполагаемого прорыва этой армии, чтобы не допустить переброски войск в другие районы, на другие фронты. Там столько было трупов от предыдущих боёв, что они, как шпалы возле железнодорожных линий, сложенные в штабеля, застывшие в разных позах, вдоль окопов использовались для укрепления снежных брустверов. И всё это были трупы наших солдат...

Боеприпасов у нас было настолько мало, что на одно наступление миномётная рота имела всего 7 минут, да артиллеристы местные делали по несколько выстрелов. Патронов — тоже по одному — два комплекта. Поддержки авиации не было. А немцы забрасывали нас минами, снарядами, автоматным огнём поливали. Особенно был страшен перекрёстный огонь да пули разрывные... Тяжело нам пришлось, и непонятно тогда было действие командования. Уже после мы узнали, что готовился Сталинград.

Это были первые месяцы 1942 года. Подвоз был затруднён. Мы по трое суток голодали. Держали оборону, в наступление переходили. Во время четвёртого наступления батальон наш был сильно потрепан. Понесли большие потери. С остатками трёх рот мы перерезали дорогу Демянск — Молвотицы, по которой фашисты поддерживали связь со своими. В этом бою я был ранен пулей в плечо 21 марта 1942 года. После перевязки в медсанбате, в восемнадцати километрах от фронта, сделали операцию. Два дня в Торжке, затем московский госпиталь СЭГ-2912, а с 13 апреля 1942 года — ЭГ-1919, расположенный в селе Архангельское под Москвой.

11 июня, как только рана зарубцевалась, выписан из госпиталя и направлен в запасную часть. На фронт врачи не пустили. С год руку носил на повязке. Готовил пополнение для фронта. Был командиром пулемётного, а затем — учебного взвода. Готовили сержантский состав. Перед увольнением работал комендантом гарнизона. Занятия спортом, особенно снарядовой гимнастикой, помогли восстановить движения кисти. А в плечевом суставе ограничение так и осталось. Сильные боли вызваны тем, что перебито соединение плечевой кости с ключицей, и малейшее резкое движение — заденешь или прикоснёшься к чему-либо плечом — вызывает сильную боль. Да и лежать на правом боку

не даёт. А на левом в последние годы стало сердце давить, боль в сердце.

В феврале 1946 года уволен в запас по ранению. Профессии гражданской не было. Военское звание старшего лейтенанта и военное училище не брали во внимание. После нескольких попыток остался работать физруком школы, затем стал директором Голышмановского Дома пионеров, немного был на комсомольской и партийной работе. В 1958 году окончил очно Ишимский пединститут — историко-филологический факультет — и проработал в школе директором, учителем истории в общей сложности более 45 лет.

С возрастом, говорят, раны «молодеют», да и другие болезни дают о себе знать. Приходится лечиться. В 1980 году хотел пройти лечение в омском госпитале, но не было удостоверения инвалида. В 1946 году по молодости отказался от инвалидности. Считал, что в трудное для страны время проживу и без пенсии. Лечился в омском и тюменском госпиталях, больницах, санаториях. Благодарен врачам и всем медработникам.

Людмила Беспалова

Солдат Победы

*Посвящается моему отцу,
Решетникову Ивану Ильичу,
участнику Великой Отечественной войны*

Столыпинская реформа по заселению Казахстана обещала землю и деньги. Семья Решетниковых переехала на новые места из Ростовской области. Сначала было трудно: не было жилья, землю надо было очищать от деревьев и кустарников, а уж потом выращивать хлеб. Но время и труд человека делает своё дело.

Иван, мой отец, был уже из третьего поколения Решетниковых. Время шло. Парню исполнилось

двадцать лет, и его забрали в армию. Шёл 1934 год. В связи с напряжённой обстановкой в мире срок службы продлили, он вернулся домой в 1939 году. Иван успел жениться на девушке Лизе. Но что-то тревожно было на душе. Стояло знойное лето. Поговаривали, что немец готовится к войне с русскими, но как-то сомневались. Не хотелось людям войны, хотелось мира. Только немного встали на ноги, узнали и полюбили вкус хлеба. Неужели будет война?

Утро 22 июня 1941 года. Местное радио сообщило о нападении Гитлера на Советский Союз в 4 часа утра. Эта новость была страшной. Наша страна к войне не была готова. На трёх солдат была только одна винтовка. Солдаты в бою добывали себе оружие. Вооружённый до зубов, Гитлер шёл, свободно передвигаясь по советской земле, оставляя за собой сожжённые города и сёла. Сталин издал указ — не отступать! За отступление — расстрел. Сколько будет приложено сил, здоровья, бессонных ночей, чтобы вооружить нашу армию. У станков на заводах стояли женщины, дети. Подросткам подставляли стулья, чтобы они могли дотянуться до станка. Советские люди в тылу ковали победу.

Вернёмся к нашему герою. Из семьи Решетниковых сразу забрали двоих братьев: Ивана и Михаила. Михаил больше не вернулся домой, а отцу и матери пришла горькая весть, что сын пропал без

вести. Где погиб? До сих пор не знаем. Был на войне и Николай, третий брат. Его отправили на войну с японцами уже в конце войны, ему тогда исполнилось только 18 лет. А вот мой отец прошёл всю войну и остался жив.

Ярким воспоминанием для Ивана Ильича был парад на Красной площади 7 ноября, который начался раньше назначенного времени. Сталин вдохновил солдат, и они, окрылённые, сразу после парада отправились на фронт. Ивана назначили автомехаником 299-го отдельного автомобильного батальона 61-й армии. В боях их автоколонна участвовала в освобождении Могилёва, Калуги, Тулы, Воронежа, Курска, Орла, Чернигова, Гомеля, Белостока, Гродно, Каунаса, Риги, Варшавы, Будапешта, Праги, Берлина.

Он был механиком автоколонны и подвозил снаряды на передовую. А когда машин не было, он был снайпером на передовой и отстреливал немцев. Я сейчас жалею, что не выспрашивала у него о войне. Да он и говорить о ней не любил. Знаю только, что за машинами, которые возили снаряды, охотились немецкие самолёты. Его много раз выкидывало ударной волной из машины, но его Бог миловал, и он даже сильно не был ранен. Несколько раз он был оглушён и терял зрение, заикался, но время и врачи лечили его, и он снова был в строю. А осколок, который попал в кисть руки, сохранился у него до самой смерти.

Очередной снаряд разбил машину, когда он ехал с генералом на передовую. Генерала сильно ранили, а Ивана только оглушило и выбросило из машины. Их окружили немцы, которые заблудились и попали на нашу территорию. Иван стал отстреливаться из автомата. Когда перекрошил немцев, он понёс на плечах генерала в медсанбат. Где ползком, где на плечах нёс его. За этот отважный поступок был награждён орденом Красной Звезды. Были у него и другие награды: медаль «За отвагу», медали за освобождение Будапешта, Варшавы и других городов.

Тяжело было нашим солдатам, они не дали врагу войти в Москву, отстояли Сталинград, сняли блокаду с города Ленина. Тяжёлые бои были на Курской дуге. Это было кровавое побоище. Теперь у солдат было оружие: танки, самолёты, автоматы, пушки, патроны, машины. Люди верили в победу, и она пришла, такая долгожданная и такая уверенная. Но потери людей были огромными.

Когда подходили войска 2-го Белорусского фронта к Германии, люди были полны надежд, что они будут жить. Теперь осталось совсем немного, рукой подать, и победа будет в кармане. Но к подступам Берлина враги стали злее и не хотели сдаваться. Как же — пол-Европы отмахали, их никто не смог остановить! Только русский Ванька упёрся ногами в свою родную землю и не захотел её отдавать. Но

погибло здесь очень много наших солдат. И опять же Ивана хранил Бог. За взятие Берлина его наградили медалью.

Как-то после боя был привал. Солдаты обедали. Подошла к нему цыганка и говорит: «Дай, милый, погадаю». Иван не захотел гадать. Ему пришло письмо из дома, что жена его бросила и уехала с приезжим офицером. Иван сильно переживал и сидел очень хмурый. Цыганка говорит: «Мне от тебя ничего не надо, достаточно, что ты бил фашистов. Я тебе скажу, что хмуришься ты потому, что тебя бросила твоя жена. Ты не переживай, это не твоя судьба. Встретишь ты свою судьбу после войны. Она сирота, вы проживёте с ней всю жизнь. Будет у вас шестеро детей. Трое будут жить. Ты же проживёшь до 90 лет. Прощай, солдат». Цыганка быстро удалилась, а Иван задумался. Так всё и вышло.

Вернулся домой младшим сержантом технической службы. На фронте он шоферил, но прав на это у него не было. Его послали учиться на шофёра в село Зеренда, бывшую станицу казаков. Там он познакомился с парнем, весёлым и острым на язык. Звали его Митя Белогуров. При разговоре Митя узнал, что Иван холост, что от него ушла жена.

— Хочешь, я тебя познакомлю со своей двоюродной сестрой! — воскликнул он.

Иван расспросил о ней всё.

— Неужели это моя судьба, цыганка говорила, что будет она сирота. Когда поедем знакомиться? — спросил Иван.

— А прямо сейчас!

И они поехали. Изба была очень низкой, чтобы войти, Ивану пришлось хорошо наклониться. С улицы ничего и никого не было видно. Иван поздоровался, ему ответили. Присмотревшись, Иван увидел у печки немолодую женщину. Потом он узнал, что её звали Фрося, это была родная тётя Екатерины.

Митька громко закричал:

— Катька, я тебе своего друга в женихи привёз! Из горницы вышла хорошенькая девушка.

А Митька опять гнёт своё:

— Катька, пойдёшь за него замуж?

Женщина заругалась на него и сказала в сердцах:

— Кто так сватает?!

Иван готов был провалиться сквозь землю от стыда за себя и за друга Митьку. Но на удивление всем Катя дала согласие выйти замуж.

Тут запричитала немолодая женщина:

— Да куда ты пойдёшь, тебя никто не гонит из дому. Ты посмотри на него, он же цыган, бедная моя девочка.

Иван бледнел и краснел. Он только и вымолвил, что не цыган, а мордвин. Женщина немного успокоилась и сказала:

— Ну что ж, засылайте сватов.

Иван приехал домой радостный, но тут он наткнулся на отказ:

— Сынок, мы тебе подобрали сами девушку, она тебя давно любит и из крепкой семьи. Зачем тебе эта сирота?

Но надо было знать фронтовика, упрямства у него было много. Иван настоял на своём. На сватовство поехала одна сестра Лида, другие просто не захотели ехать, думали, что Иван одумается. За сватав Катю, назначили свадьбу через месяц.

Жили они дружно, но Иван стыдился, что он не может обеспечить семью, но тогда все жили бедно.

Жизнь после войны была очень тяжёлой, особенно в деревне. Надо было сдать сельхозпродукцию государству: свиные шкуры, яйца куриные, мясо, шерсть и другие продукты. Держал колхозник хозяйство или не мог держать — это никого не касалось. Сдай — и баста. Люди продавали зерно, полученное за трудодни, и покупали всё, что надо для налога. Наша семья, как и все, очень голодала. Летом ели овощи с огорода, крапиву, лебеду и другие травы. А зимой делали хлеб из отрубей, да картошка спасала всех. От голода люди опухали и умирали. Зимой запросто можно было наткнуться на улице на трупы, особенно много умирало казахов. В их рацион питания не входили травы, овощи, грибы и ягоды, а больше есть было нечего. Зимой

даже не хоронили умерших людей, не было сил. Трупы закапывали в снег, а весной, когда оттаивала земля, их хоронили. Но человек крепок и почти всё может пережить.

И только в 1953 году, когда умер Сталин, правительство решило поднять целину и накормить людей хлебом.

Вернёмся опять к семье Ивана. После войны моего отца поставили работать председателем сельского совета. Так как он был членом партии, на него возлагали большие надежды. Как я уже раньше говорила, весной 1953 года стали поднимать целину. На трудодни колхозники получили хлеб. Его не надо было продавать, так как сельхозналог отменили. Впервые все наелись хлеба досыта. Люди, которые испытали такой голод, всю жизнь дорожили куском хлеба и никогда не выбрасывали крошки.

Позднее Ивана поставили бригадиром тракторной бригады. Он отдавал все силы работе, и его бригада всегда держала первое место в совхозе по урожайности зерновых культур и по сдаче хлеба государству. За самоотверженный труд его не один раз награждали медалями и почётными грамотами. После войны за поднятие целины отец получил медаль «За освоение целинных земель». Но больше всего он ценил боевые награды.

Мы всегда помним подвиги наших отцов и нелёгкий их труд во славу Родины.

Военное детство

Бобров
Анатолий Алексеевич
(1912—1941)

*Дети войны!
Сколько вы пережили,
Голод и холод
Друзьями вам были.
Рано пришлось
Повзрослеть вам тогда,
Детство и игры
Украла война.*

Ф. Горчакова

В 1941 году, в августе, отец ушёл на войну. Осталось четверо детей. Мне было тогда восемь месяцев, а самой старшей сестре — девять лет. Отец работал до войны плотником в колхозе «Прогресс», а мать работала дояркой. Она уходила ночью и ночью приходила с работы, мы совсем её не видели. От отца с фронта долго не было вестей. Пришло одно-единственное письмо, в котором он сообщал, что их отправляют к городу Орёл. И больше писем не приходило. Позднее пришло извещение: «Про-

пал без вести». Но мы не верили и каждый день ждали отца.

Мы, дети, с раннего утра трудились дома и на колхозных полях. Старшая сестра Валентина с двенадцати лет работала на лошади и выполняла всю мужскую работу. Она пахала, таскала мешки, косила траву. Нам на каждую семью давали для обработки по полгектара поля, засаженного цикорием. В то время это была ценная культура, из неё делали кофе. Мы, дети, пололи целыми днями под палящим солнцем исколотыми руками с царапками и мечтали о еде, всё время хотелось есть, и мы жевали всякую траву. Хлеба не было, только картошка, капуста с огорода, и то не досыта. Но помимо прополки мы, малыши, заготавливали веники на корм овцам, ухаживали за телятами. Особенно тяжело было зимой, голодно и холодно, мы всё время болели.

В школу я пошла в шесть лет, а она была в трёх километрах от нашей деревни. Пока было тепло, ходили босиком, а потом — в изношенных ботинках. Школа была деревянная, в ней было четыре больших класса и коридор. Полы были некрашеными, каждую субботу мы все помогали уборщице мыть полы: их надо было натирать сухой хвоей с кирпичной пылью. Для этого надо было обломки кирпичей разбить в пыль.

Война, голод, холод, работа в колхозе, школа. Игрушек, детского сада, пионерских лагерей в моём детстве не было. И одна мысль — что сварили дома поесть?

В школе я проучилась семь лет, а в восьмой класс пошла в школу за двадцать пять километров от дома.

В 1945 году пришла весть о Победе, и каждый день всё лето мы бегали за деревню встречать отца, но так и не дождалась его. Из восьмидесяти дворов в нашу деревню пришли только три солдата, а уходили из каждого дома по несколько мужчин.

Всю жизнь мама, Мария Николаевна, ждала своего любимого мужа Анатолия Алексеевича, так и не выйдя замуж. А мы, её дети, дети войны, без отца рано повзрослели, узнали голод и холод.

*О войне много сказано слов,
Но всего рассказать невозможно.
То, что нам испытать довелось,
Вспоминать нелегко и тревожно.*

Людмила Долгих

«Огненная» дуга политрука Журавлёва

*Атаки орденами
Остались на груди.
Легко ль — судите сами! —
Всегда быть впереди.
Делиться жизнью, хлебом
С людьми — его закон.
И кем потом бы ни был,
Был замполитом он!*

Июль 1943 года. Идёт величайшее сражение в районе Курской дуги. В адской «симфонии» звуков слились удары тяжёлой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов. Зрелище ужасное: пылает г. Орёл, солдаты бегут по раскалённой земле, кругом треск, шум, взрывы.

*Ветеран Великой
Отечественной войны
А. В. Журавлёв
(с. Прокуткино)*

Среди бойцов — политрук отдельной стрелковой батареи 120 мм миномётов старшина Журавлёв. Враг отстреливается из домов, но не в силах сдержать наступления. Центр города занят. Боевая задача почти выполнена. За две недели непрерывных боёв люди так измотались, что словами не передашь. «Ничего, выдержим, победа будет за нами!» — подбадривает политрук. Он и сам еле держится на ногах, но его задача в данный момент — подбодрить, вселить надежду, похвалить тех, кто отличился, а самых храбрых представить к награде.

В период наступления агитатор, как правило, находится на решающих участках боя, словом и личным примером воспитывает у бойцов доблесть и отвагу. Из боевой характеристики читаем: «Товарищ Журавлёв показал себя дисциплинированным, способным, растущим политработником. В период боёв с немецко-фашистскими оккупантами отличился, за что представлен к правительственной награде». У настоящих политруков не было особых привилегий, кроме одной — первым броситься в атаку, первым ползти по минному полю, первым броситься на амбразуру вражеского дзота. Таким был Журавлёв Афанасий Васильевич. Воевал он по всем правилам боя, ибо отменно знал технику и превосходно разбирался в такти-

ке, ведь за плечами молодого коммуниста — бой с японцами у озера Хасан (он в то время служил в пограничных войсках на Дальнем Востоке) и Финская война.

Однажды он сам возглавил группу разведчиков. Двое суток в стане врага они вели наблюдение за передвижением немецких войск в русле реки Оки. Установили, что правый берег в районе д. Знаменка плохо укреплён боевой техникой. Задание, можно сказать, выполнено, но без «языка» идти назад вроде бы неприлично. Не открывая огонь, решили врукопашную сразиться с немцами. В схватке старшину фриц полоснул финкой, пришлось тащить не только «языка», но и самого политрука. К счастью, рана оказалась лёгкой. Зашили, перебинтовали — и воюй солдат!

На Курской дуге каждый день выпускалась армейская газета «Боевой натиск», и не было случая, чтобы политрук Журавлёв не принёс её. В короткие минуты затишья бойцы читали свежие новости, они узнавали, что происходит в стране, в их армии, какие подвиги совершили их товарищи. Но особую радость доставляли письма. И если их долго не приносили, было видно, как тоскуют солдаты. У одного дома — пять ребят и больная мать. У другого в селе — всё ещё оккупанты, они не щадят ни детей, ни стариков. Не о себе беспокоятся бойцы — о род-

ных, а кто-то и всплакнёт, читая письмо. «Ничего, сегодня помоются в бане, постирают в реке обмундирование, постригутся, побреются, приведут себя в человеческий вид, а через день-другой — опять в бой», — думает старшина. У него самого дома остались дети. Но никто не должен знать, что творится в его душе. На людях он бодр, подтянут, всегда готов объяснить сложившуюся ситуацию, ответить на вопросы. А их много: почему противник решил именно здесь провести генеральное наступление, почему так долго не наступали? Политрук объясняет, что именно здесь враг решил дать отпор за проигранные битвы под Москвой, Ленинградом, Сталинградом. Да и расположение наших войск на Курском выступе (дуге), вогнутом в сторону противника, сулило большие перспективы. Здесь могли быть окружены сразу два наших фронта. Теперь ясно: планы фашистов сорваны. Курская дуга поистине стала «огненной» дугой. 50 дней и ночей под шквальным огнём наши части отвоёвывали каждую пядь родной земли.

Батарее, где воевал Журавлёв, выпала доля форсировать реку Зушь, чтобы закрепиться на противоположном берегу. Одна партия за другой переправлялись по воде. Враг встретил наших бойцов шквальным огнём из пулемётов и автоматов, бил из миномётов. Кто-то бездыханно падает, кто-то с криком «Ура!» достигает берега.

Взрывной волной старшину откинуло в сторону. Когда очнулся, грудь и рука в крови. Пошевелил головой, ногами — значит, живой, а вот рука висит как плеть. Раненый истекал кровью, нужна квалифицированная помощь. И Маша, санинструктор их батареи, маленькая, хрупкая, ночью, находясь по пояс в воде, переправила обратно в одну ночь 80 раненых, в том числе и Журавлёва. Это был последний бой старшины. Его отправили сначала в передовой отряд полевого госпиталя. Что было потом, мы узнаем из письма фронтового друга Ерёмко Григория: «Дорогой Афоня, в госпитале был я с комбатом, но ты был без сознания, и нас к тебе не пустили. Мы поговорили с ранеными, передали самый скромный подарок и уехали...»

Через неделю боец пришёл в себя и удивился, почему так тихо, неужели он на том свете? Услышал проникновенные строки, стихами безымянного поэта бойцы изливали свою душу жёнам, девушкам, любимым. Вот и сейчас кто-то под диктовку их записывает:

*Лишь замолкнет буря огневая
И военный отгрохочет гром,
Я вернусь к тебе, моя родная,
В мой любимый город, милый дом.
Я вернусь.*

*Для нас с тобой не тайна,
Что и смертью нас не разлучить,
Ну а если не вернусь случайно,
Всё равно я вечно буду жить!*

«И я вернусь, должен вернуться», — слабо улыбается раненый и вновь впадает в забытие. Более четырёх месяцев провалялся старшина в госпиталях. Пальцы правой руки стали шевелиться, но поднять её он не мог. Правая лопатка была раздроблена так, что часть кости пришлось удалить, а осколок от снаряда навсегда остался в лёгком. Врачи шутили: «Ничего, на твой век хватит, живи со свинцом, тяжелее будешь».

Только в декабре 1943 года вернулся Афанасий Васильевич домой. Правая рука осталась почти безжизненной, пришлось заново учиться всё делать левой рукой. Работал до самой пенсии на ответственных должностях: директором маслозавода, заведующим нефтебазой, агрономом, техником-строителем. Бывшего политрука часто выбирали секретарём партийной организации. В трудовой книжке записаны награды и поощрения. Но самыми дорогими наградами были боевые, среди них медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги», орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени. А Курская дуга для старшины так и

осталась навсегда «огненной» в прямом и переносном смысле: просыпался не только от кошмарных снов, но и от ран, которые жгли огнём, не давая забыть такое далёкое и близкое прошлое.

«Да, — скажет современный молодой человек, — в героическое время пришлось жить Афанасию Васильевичу». Мы не выбираем мать, Родину, исторический период жизни страны, даже свою судьбу не в силах изменить, разве чуть-чуть можем что-то подкорректировать.

Не думал бравый старшина, что радость возвращения домой скоро будет омрачена горем. Умирает жена. Остаётся бывший политрук с четырьмя детьми, последний совсем ещё маленький, грудничок. Как жить дальше? Спутницу жизни выбрать не проблема, сколько вдов осталось! Сложнее найти мать детям. Внимание его приковывает белокурая девушка с волнистыми волосами. Юная Леночка станет мамой для Нины, Риммы, Бори, Игоря. И не просто мамой, а хорошей мамой, доброй и заботливой. Старшие дети и сейчас, ныне уже бабушки, приезжают к Елене Васильевне, звонят и заботятся о ней. Хрупкая молодая женщина выдержала экзамен на материнство, она подарила мужу ещё троих детей: Олега, Таню и Гену.

Жизнь прожить — не поле перейти. В их семье, как и у всех, было всякое: и радости, и горе. Еле-

на Васильевна любила своего мужа, ухаживала за ним, когда он слёг, тяжело переживала его смерть, а сейчас свято хранит всё то, что связано с ним: письма, документы, фотографии. А это ведь не только память сердца — это наша история, героическая история Великой Отечественной войны, которая лучше всего прослеживается в судьбах людей.

Светлана Дьякова

Детство, опалённое войной

*Воспоминания жительницы села Новотравное
Цуриковой Тамары Семёновны, 1931 года рождения*

Отец, Цуриков Семён Власович, погиб в 1942 году под Москвой. Я родилась в 1931 году, к началу войны было 10 лет. Училась в школе только три года, без отца надо было всю крестьянскую работу делать самим. Работали в колхозе наравне со взрослыми, они косили траву, дети собирали её в копны. Всё делали вручную, копали огороды лопатами, в колхозе пахали на лошадях.

Хлеба не было, картошка к лету заканчивалась, ели траву. В деревне все помнят случай, когда наша соседка сварила полный чугунок крапивы, добавила ложку сметаны и съела весь этот суп. К вечеру с ней стало плохо, врачей в деревне не было, кое-как она оклемалась.

Спасала всех коровушка, сами молочко пили и с соседями делились. Коровушек кормили картошкой, соломой. Летом выгоняли на пастбище, пасли почти до зимы, ребятишки босиком по снегу бегали, доглядывали стадо. Сено заготавливали вручную.

И не только для себя, всё накопленное сдавали в колхоз, половину заготовленного сена потом выделяли колхозникам. Если ничего не накопил, то сена из колхоза не давали совсем. Дрова тоже сами пилили вручную. Когда убирали хлеб в полях, от голода ели зёрна пшеницы, жарили их на костре.

Весну, лето и осень чуть ли не до морозов ходили босиком. У нас на полати дедушка-сапожник ещё до войны бросал старую обувь, так в войну выбирали, что покрепче, и в этом ходили.

Жили в избушках, одна комнатка да сенки. Спали на полатях или на печке, лишь бы тепло. В избушке была всего одна занавеска, она казалась нам такой красивой! Мы иногда мечтали: вот бы на все окна были занавески! В деревне был клуб, по вечерам собиралась молодёжь, пели песни, играли в «глухой телефон» и другие игры.

После войны за погибшего отца назначили пенсию, как сейчас помню — пять рублей. А булка хлеба стоила 25 копеек. Тракторы и комбайны появились, но и для подростков была работа. Девчонки скирдовали солому, складывали её в тележку, надо было быстро это делать, а то соломой завалят. Иногда поторопишься — и сама упадёшь в тележку. Мужчин было мало в деревне, частенько за рычаги трактора или комбайна садились женщины.

Вот так мы и жили. Голод и непосильная работа. Детство у нас украли война.

Зинаида Жукова

Слово о защитнике Отечества

Иван Иосифович Толочко — единственный участник Великой Отечественной войны, с которым я была знакома, живя в деревне Зырянка.

Совсем недавно он ушёл из жизни, но дочь Вера Ивановна бережно хранит память об отце. Большой портрет Толочко Ивана Иосифовича висит на простенке в комнате. На гимнастерке медали: «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», «30 лет Советской Армии и флота».

В декабре 1944 года семнадцатилетнего Ивана призвали в армию. Сразу же без предварительной подготовки этот поток новобранцев увезли на Дальний Восток для охраны морских рубежей нашей Родины.

«До сентября 1945 года японские самураи постоянно нарушали нашу границу, — рассказывал Иван Иосифович, — снимали посты и совершали боевые налёты. Лишь в октябре сорок пятого года советским пограничникам при нашей поддержке удалось ликвидировать японские пикеты».

Иван Иосифович рассказывал, что ему приходилось выполнять различные служебные поручения: был линейным надсмотрщиком, повозочным кавалеристом, стрелком.

Добросовестное отношение к делу, порядочность, бесстрашие — это те качества, которые помогали в самых сложных ситуациях. Служба на Дальнем Востоке продолжалась до 1952 года, отслужил он семь лет. Причина в том, что потери в войне были серьёзные, а с призывом в армию пока было сложно. Закончил войну Иван Иосифович в звании ефрейтора.

Вернулся Иван в свою родную деревню. Создал семью, вырастил двоих детей, проработал всю жизнь шофёром на маслосыркомбинате. Одна запись в трудовой книжке.

В 2019 году Вера Ивановна, дочь Ивана Иосифовича, ездила в Москву к внуку, он военный. Вся семья ветерана Великой Отечественной войны Толочко прошла с портретом отца, деда, прадеда в колонне Бессмертного полка.

Бесконечно дороги нам солдаты войны, чей ратный подвиг бессмертен в памяти народа.

Альвина Лебедева

Альвина Лебедева

Председатель Плешковского Совета ветеранов

(По воспоминаниям Н. Чернышовой, внучки А. С. Шуваева)

Бессмертен твой подвиг, солдат!

Шуваев Александр Семёнович прошёл нелёгкий путь от начала войны до её победного конца.

Родился Александр Семёнович в деревне Голдобино Ишимского района 20 июля 1921 года. Детство его было нелёгким, ведь кроме него в семье было ещё четверо детей. Ещё больше забот легло

на его детские плечи, когда семья осталась без матери. С 14 лет работал в городе Ишиме учеником токаря. В октябре 1940 года Александра призвали в армию во Владивосток. Там он окончил курсы минёров, и 8 марта 1941 года его отправили на запад, в Карпаты. Здесь и застала Александра Семёновича война.

Военная дорога была длинной: Сталинград, Орловско-Курская дуга, Берлин. Служить довелось ему в 5-й Краснознамённой Познанской бригаде, в 79-м восстановительно-минёрном железнодорожном подрывном батальоне.

Об этом времени Александр Семёнович всегда вспоминал с печалью: «Немцы теснили с венгерской границы, нам пришлось отступить. Отступая, минировали всё, что можно: железные дороги, мосты, колонки, чтобы не допустить врага. Отходили до Сталинграда, а под Сталинградом состоялась жесточайшая битва. Наша армия с трудом сдерживала натиск превосходящих сил противника. В бой нас сильно не пускали, — вспоминал Александр Семёнович. — А когда мы погнали немцев обратно, то мне и моим товарищам приходилось заниматься разминированием оккупированных территорий, чтобы пропустить войска Красной Армии».

Известно, что сапёр ошибается только один раз. Александр Семёнович отлично владел минно-

подрывной техникой. Он рассказывал, что немецкие мины были очень опасны: чтобы их разминировать, требовались шнуры по 50—60 метров на конце с крючком. Многие минёры, не пользовавшиеся этими шнурами, погибали.

Ещё много трудностей было впереди, но солдаты уже ждали победу. Шуваев Александр Семёнович дошёл до Берлина, и здесь он с товарищами услышал радостное сообщение о победе над Германией. За боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны Александр Семёнович был награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны, медалями: «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», юбилейными медалями победы в Великой Отечественной войне.

Александра Рылова

Украденное детство

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Отец ушёл защищать Родину от фашистов. В то время мне не было и четырёх лет. Отца я не помню, но видится один момент, как будто подавала ему какой-то конверт.

Михаил Степанович Рылов, ефрейтор (1907—1943)

У мамы нас было четверо детей: я, младшая из сестёр, и маленький брат. Я тогда многого не понимала, что делается вокруг. Сёстры были у мамы помощницы. Позже я узнала, что нас выселили из

барака. Занимали мы в квартире комнату, а в кухне жила женщина с двумя детьми. Пришлось маме покупать жильё в Песьяново, а какое оно было, страшно подумать: была выкопана яма, и было маленькое окошечко на уровне земли. Купила мама эту землянку у поляка за две тысячи рублей. Он тоже жил в яме. Крыша была покрыта дёрном (пласты вырезали в земле с травой). Потолок был из веток с листьями, которые не раз загорались.

Потом у нас была комиссия, добрые люди помогли сделать русскую печку с плитой.

Питались в основном травами, мёрзлой травой (ходили в поле с братом и собирали). Пола не было, а двухвосток и блох было много. Приносили полынь и стелили на землю.

Рано пришлось включиться в работу по хозяйству. Огород нам не хотели пахать под картошку, говорили маме, что она чужая. В то время обуви не было ни у брата, ни у меня. Мама носила нас в школу, ведь мы были босиком. Вместо кровати были нары, из досок сколоченные.

В совхозе директором был Савичев Георгий Петрович, он и решил нам построить избушку на центральной усадьбе. Мы собрали свой скарб и поселились в подполье, потому что не было окон, не было света, пола. Но мы были и этому рады. Со временем застелили пол, застеклили окна.

А как мы ждали, когда появится электричество! Энергию давали до двенадцати часов, а потом отключали. Мне было лет десять, и мои ровесники и я занимали очередь в магазине за хлебом, дежурили всю ночь. А давали-то всего полбулки и привесок. Военного вкуса хлеба я не помню.

От отца было одно только письмо, но оно потерялось. Пришла похоронка 7 июля 1943 года, в ней сообщалось, что погиб он на Курской дуге. Без слёз не вспоминается всё это: смерть отца, тяжёлая доля мамы, голодное детство. Да, война украла у нас детство и обездолила наших матерей.

Фёдор Фёдоров

Обычная судьба

Фёдоров Увар Фёдорович

Много лет назад, выйдя на пенсию, вернулся я в своё село. И совершенно случайно попало мне в руки личное дело моего отца. Оно обнаружилось в шкафу со старыми документами местной Ларихинской администрации.

Дело в том, что с марта 1947 по октябрь 1956 года, вплоть до скоропостижной смерти, отец являлся председателем именно Ларихинского сельсовета. Оформлял и заполнял своё личное дело отец собственноручно, обычными школьными чернилами. За 73 года, минувших с той поры, бумага пожелтела, стала рыхлой. Я помню, как волновался, когда в первый раз взял в руки этот драгоценный для меня документ. Ведь отец ушёл из жизни, когда мне не исполнилось и 10 лет. Фактически это личное дело познакомило меня с ним вторично.

Об отце в моей памяти сохранились лишь отрывочные воспоминания. Я был последним, пятым ребёнком в семье, послевоенным. До войны родились две сестры (одна в 1943 году умерла) и два брата. До знакомства с личным делом я почти ничего не знал о том, где и как воевал отец. По всей видимости, он и старшим детям не рассказывал про свою войну.

Из раннего своего детства помню, что в доме присутствовали «трофейные» вещи, которые отец привёз при демобилизации: цейсовский бинокль в текстолитовом футляре, авторучка с трубчатым пером, золотинговая опасная бритва, которой он брился и правил на офицерской португее, красиво выполненные шахматы... Ничего до сего дня не сохранилось.

Из автобиографии:

«Я, Фёдоров Увар Фёдорович, родился в семье крестьянина-бедняка 19 октября 1905 года, в Тюменской области, Ишимском районе, Сажинском сельсовете, дер. Сажино. До 1917 года жил на иждивении своих родителей и учился в сельской школе, окончил две группы в 1914—1915 гг. С 1917 по 1925 год жил в одном хозяйстве со своими родителями и сезонно батрачил у кулаков местного населения. С 1925 по 1930 год жил своим самосто-

ательным хозяйством, хозяйство было бедняцкое. В 1930 году, в январе месяце, вступил в колхоз д. Сажино, где и работал рядовым колхозником до 24 июня 1930 года».

Надо полагать, что ключевое значение в дальнейшей судьбе отца имело его социальное происхождение — из бедняков. То есть он не был «классово чуждым элементом», как, например, «кулаки».

Кроме автобиографии, в личном деле имеется ещё один интересный документ — так называемый «Личный листок по учёту кадров», а проще говоря, анкета. В ней, на мой взгляд, следует обратить внимание сегодняшних читателей на некоторые пункты, которые сейчас кажутся диковинными и малопонятными. Например, пункт 5: *«Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда)?»* Или пункт 30: *«Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств (если служил, то указать, с какого и по какое время, где и в каких должностях)?»*.

Далее Фёдоров Увар продолжает свою трудовую деятельность только на руководящих должностях. С 1930 по 1936 год включительно он несколько раз менял место работы. Четверо детей — все родились в разных деревнях Ишимского района.

Из воспоминаний моего дяди по матери мне известен весьма курьёзный, «неоднозначный» факт из жизни отца. Мой дед по матери, Анисимов Григорий Данилович, был крепким середняком и в период коллективизации попал в списки для раскулачивания. А это означало неизбежную конфискацию имущества и высылку на Север. А председателем сельсовета в Сажино был в ту пору мой отец. Он и должен был осуществить ту самую акцию по раскулачиванию. Но каким-то чудом мой дед сумел избежать этой горькой участи (говорят, пожаловался районному начальству). А примерно через год Увар Фёдорович посватался и женился на одной из дочерей Григория Даниловича! От этого брака в конце концов родился и я. Как тут не воскликнуть: «Чудны дела твои, Господи!»

Удивительно, что с двумя классами образования отец был замечен властями и работал на руководящих должностях. Скорее всего, выбор у руководства на фоне низкого уровня грамотности в деревне тех лет был невелик. Хотя следует отметить практически полное отсутствие грамматических ошибок в тексте, написанном отцом. Учили тогда, видимо, хорошо и основательно.

Из автобиографии: *«По решению Ишимского РК ВКП(б) был послан на учёбу в город Омск, в Комсельхозшколу, где и учился с 1 января 1937 года по*

30 декабря 1939 года». Там в марте 1939 года он вступил в партию.

Все три года учёбы отца мать с тремя малолетними детьми жила в Сажино. Не думаю, что ей было легко.

По окончании учёбы отец получил специальность «Техник-организатор по сельскому хозяйству» и в Ишимский район уже не вернулся, а получил назначение сначала на должность директора МТС (машинно-тракторной станции) в Любинском районе (теперь — на территории Омской области, а до 1944 года, как известно, и Ишимский р-н входил в её состав), затем — директора нефтебазы в с. Краснояр. Здесь и застала его повестка о призыве в Красную Армию.

Случилось это 27 августа 1941 года. Семья вынуждена была переехать обратно в Сажино, где и находилась весь период войны. Спустя две недели после того, как отец уехал на фронт, на его имя пришла так называемая «бронь» — документ, который освобождал его от призыва в армию как работника, необходимого для работы в тылу. Но было поздно. Поезд, и в прямом, и в переносном смысле, ушёл.

Из автобиографии: «...Был призван в Красную Армию в должности политрука роты, где и работал до упразднения института комиссаров, по-

сле — заместителем командира роты по политической части до упразднения института зам. командиров рот по политической части».

В этих должностях отец воевал на Карельском фронте с августа 1941 года по июнь 1943 года сначала в 137 отдельном лыжном батальоне, затем в 242 стрелковом полку, на Кандалакшском направлении, где, как следует из анкеты, был легко ранен и дважды контужен.

Из автобиографии: «...После отмены института заместителей ком. рот по политической части 6 июня 1943 года был направлен на учёбу на курсы офицерского состава, затем — в 5-й полк резерва офицерского состава, а в мае 1944 года по разнарядке был направлен на фронт во 2-й Украинский фронт, 2-я армия, 294 сд, 859 сп, на должность командира стрелковой роты, где и находился до 21 августа 1944 года. 21 августа 1944 года при взятии г. Яссы был ранен и направлен в госпиталь № 3457, где пролежал до 26 сентября 1944 года».

Из истории Великой Отечественной войны известно, что Яско-Кишенёвская операция началась как раз 21 августа 1944 года, так что отец был ранен в первый же день наступления. Ранение, видимо, было достаточно серьёзное, если он лечился в госпитале более месяца. Из детства помню, что он заметно прихрамывал при ходьбе. После излечения

непосредственно в боевых действиях отец больше не участвовал.

О воинских частях, в составе которых воевал отец, информации немного. Например, 137-й отдельный лыжный батальон был сформирован 7 декабря 1941 года в Сибирском военном округе, в г. Бердске Новосибирской области. И тут появляется несоответствие данных из автобиографии отца: он указывает, что воевал в составе этого батальона уже в августе, чего не могло быть. Скорее всего, при мобилизации он попал сначала в Бердск и там находился до 7 декабря 1941 года и только вместе с батальоном прибыл на Карельский фронт. Судьба 137-го батальона прослеживается до 31 августа 1942 года, дальше — информация отсутствует. Видимо, в составе 242-го стрелкового полка отец и воевал после августа 1942 года. Этот полк вёл боевые действия на Кандалакшском направлении с главной задачей — не допустить прорыва немцев к железной дороге Ленинград — Мурманск.

859 стрелковый полк в составе 2-го Украинского фронта участвовал в Яско-Кишенёвской операции, и отцу не довелось здесь долго воевать, так как во второй же день он был ранен.

С трудом, но удалось отыскать информацию о том, что госпиталь № 3457, в котором лечился отец, дислоцировался в 1944 году где-то на территории

Кировской области, но в каком конкретно населённом пункте, неизвестно.

Далее в автобиографии сообщается, что после окончания лечения он был направлен обратно во 2-й Украинский фронт, в 39 отдельный полк резерва офицерского состава, откуда 14 ноября 1944 года был назначен на работу в «Союзную Контрольную Комиссию в Румынии по делам репатриации советских граждан, насильственно угнанных немцами и их союзниками» (такое вот длинное название!), где работал по 1 ноября 1945 года. По окончании работы комиссии был демобилизован домой.

Союзная (или Союзническая) Контрольная комиссия в Румынии действовала в рамках решений Ялтинской конференции союзников, под руководством маршала Р. Я. Малиновского, и её задачей была не только репатриация, но и контроль за соблюдением Румынией как побеждённой страной требований государств-победителей.

Войну отец закончил в звании старшего лейтенанта. Ни в анкете, ни в автобиографии нет данных о том, когда и в какой последовательности он получал офицерские звания. Наверняка начинал со звания «младший лейтенант», поскольку никакого военного учебного заведения не оканчивал.

Хотя в вопросе о воинских званиях кроется одна тонкость: если он до 1943 года был в звании «по-

литрук», то при переходе на систему заместителей командиров по политчасти, в начале 1943 года, он должен был получить воинское звание «лейтенант». Звание «старший лейтенант» отец, возможно, получил при назначении его на должность командира роты.

Стоит, наверно, упомянуть и о денежном офицерском аттестате. Дело в том, что, несмотря на войну, все военнослужащие получали денежное, продовольственное и вещевое содержание. Командиру роты и ему равным полагалось около 1000 рублей в месяц. Обычно фронтовики отсылали эти деньги в тыл, семьям, где они и обналичивались. Насколько эти средства облегчали положение семьи из пяти человек, можно судить по их покупательной способности: на 1000 рублей можно было купить три (!) буханки хлеба или 11 килограммов картошки, или 700 граммов сала. Я припоминаю разговоры в семье на эту тему, значит, аттестат отец высылал.

Итак, с некоторой задержкой, но, пусть дважды раненный и дважды контуженный, отец, вполне трудоспособный, вернулся в родную деревню Сажино, где воссоединился с семьёй, а вскоре, в апреле 1946 года, был назначен на работу председателем колхоза «Коминтерн» Сажинского сельсовета. Казалось бы, живи да радуйся. Но не тут-то было: 15 октября 1946 года Увар Фёдоров был арестован

по ложному доносу своей односельчанки. В этом случае ему несказанно повезло, так как через месяц с небольшим он... был отпущен из-под ареста, что происходило крайне редко и было совсем нехарактерно для карающей системы того времени. Повезло и мне. 12 января 1947 года я родился и мог вообще не увидеть своего отца.

Однако на прежнюю работу Увар Фёдорович уже не вернулся, а в марте 1947 года был назначен на должность председателя Ларихинского сельского совета. Здесь, в селе Лариха, он скоропостижно скончался в день своего рождения, 19 октября 1956 года. Ему исполнился 51 год.

Отец не был героем в общепринятом значении этого слова. Можно предположить, что, помня о том, что в тылу у него остались четверо малолетних детей и молодая жена (27 лет), он воевал осторожно и рассудительно. Да и возраст приближался к сорока годам, стало быть, какой-никакой жизненный опыт имелся. А может быть, ему просто банально повезло — остаться живым. Из печальной статистики Великой Отечественной известно, что на передовой командир батальона в среднем жил месяц, командир роты — неделю, командир взвода — три дня, рядовой пехотинец — одно наступление (атаку). Поэтому ранение, возможно, спасло отцу жизнь.

Из наград в личном деле Фёдорова Увара отмечена лишь медаль «За победу над Германией», но я хорошо помню, что в детстве не раз держал в руках медаль «За оборону Заполярья».

И совсем недавно, в начале февраля, я попал на сайт «Память народа», где совершенно неожиданно обнаружил информацию о том, что отец был награждён медалью «За отвагу» в августе 1944 года. Вот описание его подвига.

«20.08.44 года при прорыве линии обороны противника восточнее отметки 142.0 тов. Фёдоров по личной инициативе развил успех соседа, вывел роту в 1-й эшелон и вступил в бой с противником, в результате которого захватил огневые позиции батареи с боеприпасами и 4-мя орудиями севернее отм. 179.8, при этом все орудийные расчёты были перебиты.

21.08.44 г. на южной окраине города Яссы тов. Фёдоров личным примером отваги и мужества воодушевлял бойцов на выполнение боевой задачи, в короткий срок форсировал р. Буялуга-Луй, уничтожив при этом 38 солдат и офицеров противника. В этом бою тов. Фёдоров был тяжело контужен».

Приказ о награждении датирован 14 сентября 1944 года. Вероятнее всего, награда его не застала, так как он в это время уже находился в госпитале, в далёком тылу. Этим можно объяснить, почему в

своей автобиографии и в личном деле он не упоминает об этой медали.

В заключение хочу заметить, что у моего отца, Фёдорова Увара Фёдоровича, обычная, можно сказать, типичная судьба многих тысяч представителей его поколения. Да, он не был героем, как и миллионы солдат той великой войны, но и, судя по его личному делу, не был трусом, а относился к войне как к необходимому, тяжёлому и страшному труду («...работал политруком и т. д.»). Но я убеждён, что он также приближал Победу и по праву принадлежит к бессмертному поколению Победителей.

Послесловие

Около 10 лет назад в селе Лариха, в уютном скверике у памятника Александру Матросову, благодаря усилиям нашего неравнодушного земляка, предпринимателя Краснова Василия Петровича, были установлены плиты с фамилиями жителей села, не вернувшихся с фронта, и вертикальные стелы с фамилиями фронтовиков, выживших на войне и умерших уже в мирное время — кто по старости, кто — от ран.

На одной из стел высечена фамилия Фёдорова Увара Фёдоровича.

Содержание

Страницы памяти священной	4
О ВОЙНЕ ЩЕМЯЩЕЮ СТРОКОЙ	9
Евдокия Аверина	10
Сергей Баянов.	12
Людмила Беспалова	26
Валентина Борщевская	35
Фаина Горчакова.	37
Александр Гущин.	42
Наталья Денисова (Островская)	44
Людмила Долгих	51
Светлана Дьякова	66
Людмила Ефремова	68
Зинаида Жукова	70
Пётр Зарков.	76
Наталья Кликушина.	78
Светлана Кондратович.	80
Зинаида Костенко.	84
Альвина Лебедева	86
Валерия Насилевская.	87

Николай Плясунов	88
Юлия Конащук	93
Эмма Редозубова	96
Валентина Руденко.	103
Александра Рылова	106
Любовь Суракий.	108
Любовь Сурель.	111
Нина Тарасова	115
Николай Усольцев	118
Татьяна Усольцева	123
Фёдор Фёдоров.	125
ВОЙНА — ВОЙНОЮ ОСТАЁТСЯ	139
Евдокия Аверина	140
Сергей Баянов.	148
Людмила Беспалова	152
Фаина Горчакова.	160
Людмила Долгих	163
Светлана Дьякова	171
Зинаида Жукова	173
Альвина Лебедева	176
Александра Рылова	179
Фёдор Фёдоров.	182

Литературно-художественное издание

12+

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Сборник стихов и воспоминаний поэтов
Ишимского района

*Материалы собраны и подготовлены
районной библиотекой Ишимского района*

Ответственный за выпуск *Юлия Радыгина*
Редактор-составитель *Людмила Долгих*
Технический редактор *Сергей Чалый*
Корректор *Галина Донина*
Верстальщик *Александр Дьяченко*
Дизайнер обложки *Алиса Дьяченко*

E-mail: mail@izdat-kniga.ru; Сайт: www.soyuz-pisatelei.ru
Оптовое-розничная сеть #КНИГА: www.knigi-market.ru

Подписано в печать 10.04.2020. Формат А5.
Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Заказ № 14123.
Гарнитура «Times New Roman».

Издательство «Союз писателей»
654063, г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.
Тел.: 8-913-429-2503, 8-800-301-2620, 8 (3843) 32-80-81
Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».

Любое использование материала данной книги, полностью или
частично, без разрешения правообладателей запрещается